

The background of the book cover is a detailed, classical-style painting. It depicts a woman with long, flowing red hair lying down, wearing a white, ruffled dress. She is holding a small red flower to her lips. Next to her, an older man with a wrinkled face and a white cap is dressed in a vibrant red robe with gold trim. He is looking down at the woman with a somber expression. The scene is surrounded by lush, colorful flowers, including roses. The overall style is reminiscent of 19th-century Russian painting.

НИНА
ЕПЕРИНА

ГРЕХ СОВЕСТИ

РОМАН

Нина Елери́на

Грех совести

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373149
Грех совести. Роман: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-4320-0057-6

Аннотация

В этой книге автор старается самой себе объяснить и понять путь истины, дорогу к своему «храму» и пытается ответить на волнующий вопрос: как нам теперь восстановить ту путеводную, пока только ниточку, которая выведет нас из атеистической тьмы?

Содержание

Часть первая	4
Свадьба	4
Саша	18
Прелюдия	27
Самая первая...	44
Москва	55
Подружки	68
Тусовка	77
Презентация	91
Крутой загул	103
Разврат...	115
Ростов-на-Дону	132
Остров зеленый	143
Предсказание	153
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Нина Еперина

Грех совести

Роман

Часть первая

Баба Алла

*Косы растрепаны, страшная, белая
Бегаёт, бегаёт, резвая, смелая.
Темная ночь молчаливо пугается,
Шалями тучек луна закрывается.
Ветер-певун с завываньем кликуш
Мчится в лесную дремучую глушь.*

С. Есенин. «Колдунья»

Свадьба

– Горь-ко! Горь-ко! Горь-ко! – кричали гости хором, старательно выговаривая слова и дружно раскрывая рты. В полумраке ресторана и без очков это напоминало ей птенцов-воронят, реагирующих на прилет родителя в гнездо с кормом. Лица белели пятнами, а рты черными зевающими

дырами, издающими:

– Го-ка! Го-ка! Го-ка!.. Ка! Ка! Ка!.. Га! Га!..

Особенно старался пожилой толстый господин. Имени его за весь день она никак не смогла запомнить. То ли Петр Степанович, то ли Степан Петрович, а может быть, даже какой-нибудь Геннадий Викторович. Он был гостем со стороны жениха, дальним родственником. Он сидел наискосок, почти напротив и целый вечер веселил ее тем, что старательно и навязчиво рассматривал откровенно и в упор, двумя глазами сразу, как из двустволки! А как же, такая невидаль! Жених моложе невесты аж на двадцать три года!!! Да еще и красивый жених! Да еще и певец! Да еще и композитор! И поэт! Бог так много отпустил для молодого жениха, его племянника, им гордилась вся родня, а теперь все это достанется вот этой вот «невесте», прости Господи?...

А она? Старая, маленькая, бесформенная, в очках с очень сильными диоптриями, как водолаз! Из-за очков, где-то глубоко и далеко, выглядывали маленькие глазки с рыженькими ресничками. Зубы из серии мало того, что через один и лошадиные, так еще и нижней челюстью вперед. Нос пупочкой, или картошкой – не поймешь, но маленький. Под ним упрямо сжатый ротик с тонюсенькими губками, из которых вылетал вечно охрипший и противный голос, в основном, чтобы настоять на своем. Волосы перебелены пергидролем до паклей, облезло-желтого цвета в мелкую кучеряшку, и тоже через один! А сверху все это посыпано облезло-медными вес-

нушками! Жуть! И кто? А никто! Бог забыл талантов ответить. Какой-то вшивый администратор! Артистов по России таскает на гастроли! И Сашку где-то зацепила на гастролях. Благодетельница, блин. Гастроли теперь ему устраивает! И невеста! А теперь уже и жена! Для Василия Степановича, нагруженного водкой почти под завязку, это было слишком для понимания. Наваливалась мысль неподъемной тяжести, потому что непонятная, повисая на его языке корявым вопросом.

Вопрос висел матерно ощутимо. Она это чувствовала, а потому и боялась его, и ждала. Боялась потому, что могла не удержаться и расхохотаться очень громко, от души, на весь ресторан и прямо ему в рожу. Только такую реакцию на его наглые и прищуренные глазки рисовало ей воображение, отчего все их немногочисленные гости могли прийти в неопи-суемый восторг... а некоторые, например, ее молодой муж Саша мог даже вступить в общую «беседу по душам» или членисторукий диалог. Так ей казалось...

Ситуация пока ее веселила, но могла и возмутить, зачаточные волны возмущения, всколыхнутые нехитрым воспроизведением событий, уже зашевелились в голове и груди, пугая ее собственное «я» нешуточной реакцией...

– Го-ка! Го-ка! Ка! Ка! Га! Га! – продолжали скандировать гости.

Она оторвала свои черные мысли от возмущенного разума, а тяжелый взгляд из-под толстых очков от глаз толстого

господина и посмотрела на своего мужа. Его глаз рядом не оказалось, рядом был только его пиджак. Муж уже стоял и протягивал руку, стараясь помочь ей подняться. Она встала во весь свой смешной рост, рост клоуна Карандаша, и подняла на него глаза. Ей очень нравилось, что он был такой молодой, высокий, стройный, красивый, а сегодня еще и представительный в темно-зеленом, модном костюме с отливом, в черную полоску, в белой рубашке, при черной бабочке! Она залюбовалась им, чуть-чуть прищулив глаза и запрокинув голову. В его глазах прыгал какой-то бесенок, заставляющий ее еще раз возгордиться своей необыкновенной победой. Он наклонился к ней, и его теплые губы мягко прильнули к ее губам... она закрыла глаза и отдалась сладкому чувству восприятия его нежного поцелуя... по телу волной пробежало желание и нега... возмущенный разум сразу же утонул в удовольствии...

Поцелуй был долгим и очень желанным. Дело было даже не в том, любила или не любила она целоваться, как раз целоваться она и не любила с детства. С самого раннего детства шпана во дворе прикалывалась над ее прикусом и издевались насчет поцелуев, громко крича в спину:

– Любовница! Любовница! Зубастая любовница! Ваську поцелуй! Укуси его своими кривыми зубами! Укуси, укуси! Вот он тебе жопу надерет!

Но это было в детстве, а сейчас ее любимый целовал ее вот так... сладко... на виду всего честного народа! На виду

гостей, скандирующих:

– Один! Два! Три! Четыре! Пять!.. Восемнадцать! Девятнадцать! Двадцать!..

На виду всего ресторана, завидовавшего ее счастью и весь вечер тарасившегося на их столик – такая пара!!! На виду у всей кухни, высыпавшей поглазеть на такую невидаль – старая калоша в длинном розовом платье и фате! На виду оркестра, давившегося со смеху слюной – он красавец мужчина, а она старая, сморщенная, как изюм, гримза. На виду всего мира... И назло им всем!

Он целовал ее, а она таяла от счастья в его объятьях и не верила сама себе, что именно с ней сегодня происходит вот это! Это необыкновенное чудо, в которое почти невозможно поверить! То самое, которого она добивалась целых три года! Целых три года ее жизни, последних, главных года ее жизни! Ведь ей было уже под задницу лет! Как никак, а пятьдесят четыре для женщины большо-о-ой срок и о-очень критический возраст, где-то даже климактерический. Если отнять эти три года, то пятьдесят один звучало еще ничего. Только-только перевалило на ту сторону возрастного забора, на вторую половину жизни, и была еще надежда на второе дыхание, а не только на здоровье. А вот пятьдесят четыре уже не оставляло шансов думать о близости этого барьера за спиной. С каждым годом он отодвигался все дальше и дальше в глубь молодости. К сожалению, климакс это такая болезнь роста, когда и Клим, и Макс, и секс могли уже не по-

мочь...

А в следующем году ее вообще ждала тяжелая штанга, которая норовила придавить побольнее всеми ее годами и прямо к полу. Она уже не давала возможности радоваться от надвигавшихся лет. Жалко, что она так и не успела научиться мудреть и добреть, а старость уже норовила набежать из-за угла, на корню уничтожая надежду на мудрость, знание, умение, понимание и себя, и окружающего мира... Правильно сказал один очень известный одесский сатирик:

– Мой возраст стал совпадать с моим размером.

Она бы не боялась будущих пятидесяти пяти и с размером надеялась сразиться с победой для себя, если бы не он, ее Саша! Он был рядом, а она все время оказывалась впереди под наглыми, рассматривающими взглядами окружающих, на фоне его молодости, лезущей людям прямо в глаза. Она должна была привыкнуть к людским взглядам за то время, которое они были вместе, но этого никак не получалось. Вначале они даже возбуждали ее и заставляли бравировать близкими отношениями, целуя его на виду у наибольшего количества народа, но потом стали раздражать. Хотя до сих пор еще сохранилось что-то детское и взрывное в ее внутреннем настроении. Иногда очень хотелось сделать что-нибудь назло всем, назло этому толстому дядьке, всему этому ресторану вместе с разномастной публикой в нем и выкинуть что-нибудь эдакое, супервызывающее!

«Он мой! Мой! – думала она, и эта мысль просверливалась

ее мозг до дыр, до желания крикнуть именно сейчас и очень громко всем им. – Я его завоевала! Я рядом и еще не старая! Я просто поспелая! И любит он меня-а-а! Целует меня-а-а! Не вас, а именно меня-а-а! Накось! Выкуси!» – И оставалось только подкрепить слова неприличным движением левой руки по сгибу правой, а правой – снизу и вверх кулаком вперед на весь ресторан: «ХА!» Любимый жест американских «рэмбо»...

Долгий поцелуй закончился. Они сели на свои места. Алла быстро и цепко провела глазами по всему столу, хотела сразу ухватить взглядом реакцию гостей. Гости реагировали по-разному, но все с завистью. Все! И ее подруги, которые назывались так, но на самом деле ими не были, и его друзья, которые были не только не друзьями ей, но самыми настоящими врагами. Вот уж кто никак не хотел понять и принять их брак, так это его друзья. На их лицах была написана и досада, и жгучая ненависть к этой старой, чуждой их кругу общения бабе. Она это понимала и чувствовала. Она не обижалась на его друзей, оправдывая их сама перед собой.

Заиграла музыка, и гости дружно отреагировали, зашевелились, зашептались. Это был вальс. Всем было понятно, что должен быть «вальс молодоженов». Слово взвеселило публику, стол ехидно и потихоньку подхихикивал. Она сделала вид, что не понимает «юморной» обстановки, подхватила шлейф длинного, бледно-розового платья и подала руку в длинной, выше локтя, розовой перчатке, молодому мужу.

Они вышли в самый круг ресторана на всеобщее обозрение. Она положила правую руку чуть выше его локтя, как бы держась за него. Для нее это было удобно и невысоко, отчего появился простор, позволявший ей прогибать талию на поворотах и скользить в вальсе, держа шлейф перекинутым на левой, вытянутой руке. Они закружились в медленном танце. Он танцевал хорошо, скользил, именно скользил плавно по паркету и вел ее очень уверенно. Она представила их со стороны, и ей казалось, что па вальса должны были получаться элегантными и красивыми...

Они танцевали только вдвоем в самом центре танцевального круга, медленно вальсируя и глядя в глаза друг другу. Она старалась танцевать на цыпочках, как в вальсе-бостоне, чтобы быть выше и стройнее. Он улыбался ей милой и очень доброй полуулыбкой, которая чуть морщила его нос, прямо около ноздрей, чуть сверху прокладывая две смешные складочки, милые морщинки и выявляя на щеках две маленькие ямочки. Эта улыбка, от которой и глаза его тоже начинали сверкать лучезарными искорками, всегда вызывала у всех ответную улыбку. Его аккуратный, прямой носик превращался с этой улыбкой в носик маленького мальчика, который принес гостю игрушку, ковыляя по ковру, как того просила мама, и теперь улыбался от восхищения, исходящего от гостя ему, правильно исполнившему мамину просьбу. Морщинки были такими чуть заметными, такими милыми и наивными, что всегда умиляли ее и заставляли в от-

вет распахиваться всей душой навстречу его доброте и теплу. А ямочки дополняли красоту лица еще и молодостью. В эту необыкновенную улыбку она и влюбилась сразу же, как только увидела в филармонии, на чердаке, где у него была импровизированная мастерская, а заодно и дом.

– Ты довольна? – тихо спросил он. – Я сделал все так, как ты хотела. Хотя мне лично все эти гости до фени. И ресторан тоже.

– Очень довольна! Назло всем!

– Смешная ты, Алла, честное слово. Плюнули бы на все эти показушные дела, посидели бы дома в своем кругу, как люди. А то светимся тут на виду у всего кабака в таком экзотическом виде. И зачем ты надела именно это платье? Розовое?

– Потому что именно так нужно!

– Почему именно нужно?

– Так мне было предсказано. И кабак, и это розовое платье.

– Ты хочешь сказать, что кто-то тебе все это уже предсказал?

– А как будто нет! Это было такое своеобразное дежавю как бы во сне! И именно розовое платье, и именно на виду у всех! И чтобы всех завидки задавили.

– Вот и задавили. Видишь, как они на нас смотрят? Так бы и удавили!

– А пускай попробуют! Особенно твои. Моим-то по бара-

бану, они по-другому завидуют, а вот твои... точно бы удавили или хотя бы покусали тебя, а уж меня...

– Мы с тобой оба ненормальные. О чем мы говорим во время вальса? А должны говорить о чем? – Он опять улыбнулся своими морщинками и ямочками, опять наклонился и поцеловал прямо в губы, и она опять почувствовала жгучее желание, именно такое, которое не давало ей быть от него на далеком расстоянии. Только на самом близком. Только вместе! Только рядом!

– Рядом я сказала! – шутила она на его замечания про ниточку и иголочку...

Вальс закончился. Она специально сделала глубокий реверанс Саше при всех гостях, подхватила его под локоть и гордо прошествовала на свое место во главе стола. Толстый господин тут же продолжил пялиться на нее во все глаза. Вопрос так долго висел у него на языке, что должен был сорваться вот-вот, она чувствовала его почти физически. И он сорвался. Господин протянул рюмку, чтобы чокнуться именно с ней, подмигнул одним подкосевшим глазом, подался вперед через стол и с мерзкой, похотливой улыбочкой тихо, но нахально спросил:

– Нет! Ну скажи! Как ты нашего Санька захомутала? А? У него было баб столько, сколько в этот кабак не влезут, даже в соседний дом, а женился он на тебе. Сознайся, а? Подсыпала что-то? Да?

– А я ему менструальной крови в шампанское подлила! –

сказала она шепотом, тоже привстав из-за стола навстречу Степану Васильевичу, тоже подмигнула красноречиво глазом и чокнулась. — Хочешь, и тебе накапаю? Будешь потом за мной по всем подворотням скакать! — Она постучала двумя пальцами правой руки, с длинными, наманикюренными ногтями, по столу, отбивая конный марш и показывая ему, как он поскачет по подворотням. — А вообще я бы тебе советовала помолчать! Если ты еще что-нибудь скажешь, а тем более меня оскорбишь, я засуну тебя в черную-черную вагину. Я это уме-е-ю! — сказала очень зловещим голосом окончание фразы, прищурила один глаз и покачала головой, сделав зверскую рожу.

Степан Кузьмич резко отшатнулся от нее и быстренько сел на свое место. Вся его гордость резко сплюснулась, а в пьяных глазах отразился ужас. Он не понял! Поэтому быстренько опрокинул в рот рюмку, потом со стуком поставил на стол уже пустую, уцепился за нее, как за спасательный круг, уставился глазами в никуда и стал вспоминать смутно знакомое слово, медленно закатывая глаза к небу для помощи сморщенному лбу. Когда его пьяная память, долго копаясь в извилинах, извлекла искомое, и до него доехало, мысли стали плавать в глазах самые шальные и противоречивые, вместе с коркой из анекдота, которая плавала, как шхуна в бурю, в его полуоткрытом рту.

«Вот бы заглянуть в его черепушку и прочитать наперегонки бегающие перепуганные и шустрые мыслишки, а за-

одно и мыслишки всех остальных наглоязычных гостей? Это было бы страшно забавно и прикольно. Наверное, можно было бы отравиться ядом из салата разномастных мерзостей и точно утонуть вместе с коркой. Утопнуть на закате жизни! На самом пике желания, которое поселилось во мне и не даст спокойно сидеть на стуле, – подумала она и посмотрела на Сашу очень близко, опять сняв для этого очки.

«Ну как же он красив! Как хорош! Так бы и трахнула, прямо сейчас! – сама себе призналась она. – А может, попробовать?»

– Сань. Саня! Иди чего скажу, – позвала она его, поманив пальчиком. – А мы нигде не найдем укромного уголка? Так хочется! – тихо прошептала близко в ухо и поцеловала в мочку, тихонечко пощекотав глубоко в ушке кончиком языка.

– Ой! Ал! Ну ты даешь! Никак не терпится?

– Не-а! Никак!

– Ну, тогда пойдем искать... – Он опять улыбнулся, но теперь очень красноречиво.

«Наверное, тоже созрел», – подумала Алла и стала следом за молодым мужем выбираться из-за стола, сгорая от желания и нетерпения...

Народ передвигался по ресторану хаотично, танцевал, ел, пил, разговаривал, обсуждал разные московские сплетни, включая ее свадьбу, конечно же. В общем, занимался всем, чем мог, точнее тем, чем занимается обычная ресторанная тусовка, а они искали тихий уголок и целенаправленно рыс-

кали глазами по пространству. Они хотели друг друга. От сознания того, что и он готов на любое укромное местечко и не может дотерпеть до широкой, удобной и мягкой домашней кровати, желание стало невыносимым и острым...

– Пойдем в туалет, – прошептала она опять, потянув его за рукав и привстав на цыпочки, чтобы ему было слышно сквозь рев оркестра и гомон зала.

– Если ты готова, пойдем, – ответил он ей тоже прямо в ухо и точно так же, как и она, провел кончиком языка сначала по мочке, а потом и внутри...

– Ой! Саньк! – томно простонала она. – Давай быстрее...

Туалет был на одного человека и запирался изнутри на задвижку. Было очень неудобно и мало места, но как же жарко и страстно было это все именно в туалетной, узкой комнате, навесу, на раковине для мытья рук! Страстно и жарко! Очень! И так сладко, что ее понесло по волнам удовольствия с замиранием сердца... а-а-а... А-А-А-ХХ!..

... Все их гости сидели на своих местах, как приклеенные, и даже не танцевали. Все дружно общались и наверняка темой их обсуждения опять были только они. Толстый господин с выпученными глазами что-то втолковывал пожилой даме, нависнув из-за стула сзади, и делал зверские глаза. Алле очень понравилось выражение на лице дамы, ее глаза тоже тихо лезли на лоб.

«Доносит до ушей», – подумала она и расхохоталась сама своим мыслям.

– Посмеши и меня, – попросил Саша на ушко.

Они остановились посреди ресторана, и она пересказала ему эпизод за столом. Они дружно расхохотались по дороге к столу уже вдвоем. Вечер начинал ей нравиться. И гости, которые предстали вдруг в совершенно другом свете, с возможностью поприкалываться именно над ними, и отношение ее любимого к ней, только что подкрепленное в тесной, маленькой туалетной комнате страстными и жаркими поцелуями, и не только поцелуями... и все остальное...

В кайф было все, и она вдруг сама себе резко подняла настроение осознанием удовольствия сегодняшнего вечера! Все было просто замечательно! И гости, и оркестр, и ресторан, и ее любимый МУЖ, и туалетная комната, и толстый господин, и она сама...

Все было просто... за-ме-ча-тель-но...

Свадьба явно удавалась прямо на глазах...

– Ах! Как же все прелестно! – громко сказала Алла и опять рассмеялась...

Саша

Саша был из породы «рукастых», тех самых, у которых все в руках спорится, а ее принесла на чердак небольшая поломка аппаратуры перед концертом. У коллектива, в котором она тогда работала администратором, была гастрольная поездка в город Нижний Новгород. Одна из запланированных гастрольных поездок по Золотому кольцу России. В тот первый день музыканты метались в поисках своего техника, который запил за сутки до этого еще в Ярославле, пил в поезде, поселился «хорошенький» в гостиницу, а потом вообще пропал. Вечером, как айсберг на «Титаник», на них надвигался концерт, а вся аппаратура пришла фурой из Ярославля с поломками. Динамики фонили, гудели, у одного отлетели контакты. Их кое-как перепаяли сами музыканты, но это помогло мало, быстрее всего что-то было запаяно неправильно. С самого утра аппаратура не хотела настраиваться и не давала коллективу возможности репетировать...

Алла не знала, что делать, была растеряна и расстроена этими неприятностями. Чужой город, чужие люди. Где искать в этом большом городе помощи, в том, девяносто третьем году, пятом году перестройки, году всеобщей разрухи и развала?

Вот тогда в бухгалтерии филармонии ей и подсказали насчет чердака и мастера на все руки, обитавшего там и по доб-

роте душевной никому не отказывавшего.

Когда она забралась по темной боковой лестнице на самую верхотуру и стала рассматривать эту необычную мастерскую, заваленную всяким музыкальным радиохламом, то сразу и не заметила его, сидящего за столом у самого окна с паяльником в руках и спиной к ней. Очки, вечный ее спутник, мешали рассмотреть внимательнее, поэтому она побрела ближе к свету, огибая большие ящики, пока не уткнулась прямо в его спину. Вот тогда он и повернулся к ней, поднял глаза и улыбнулся своей необыкновенной улыбкой, точно так же сморщив по-детски нос и напустив на щеки необыкновенные ямочки...

Что нужно человеку для того, чтобы влюбиться с первого взгляда. Статистика уверяет нас, что человек может влюбиться вдруг и сразу во все что угодно в предмете своего воздыхания. В поворот головы... В мочку ушка, через которую виден солнечный лучик, или через все ушко, розовое-розовое в садящемся за рощу солнышке... В подъем ножки, пробующей на теплоту зеркальную гладь пруда... В тоненький лучик света пробивающий прозрачную блузку, лежащий на грудь в вырезе и заставляющий трепетать от догадок в собственной голове, а точнее щекотать замирая под грудью, или еще ниже, на самом нижнем, первом этаже... прямо в тазике...

Но это все о мужчинах.

А что может заставить влюбиться женщину с первого

взгляда? Такой же поворот головы, но только на крепкой, мужественной шее? Или прошедший мимо тебя красавец с обтянутой джинсами попой, когда обе половинки перекатываются под тканью? Или его слова, которые он заливает тебе в ухо при первой же возможности пробраться поближе к этому уху?

Ведь бабы любят ушами, и это знает каждый уважающий себя половозрелый представитель мужского пола. Или его глаза, оказавшиеся вдруг на уровне твоих в вагоне метро, когда толпа прижала вас друг к другу, до ощущения запаха ваших тел... Или еще всяких разных, могущих возникнуть вдруг от близости этих самых тел, ощущений?...

А может быть, правы ученые, которые уверяют, что в нашем носу генетически помещены предками какие-то там рецепторы. Помещены инкогнито и должны чутко улавливать из воздуха тончайшие запахи, посылая в нашу голову, точнее на нашу голову, в своеобразные центры базы данных по обобщению окружающего нас пространства. На базе информация перемалывается мозгами, суммируется и направляется прямо в мозжечок, а может, еще куда-то, на какую-то полочку. Там все запахи сортируются на съедобные и несъедобные. Для съедобных предпочтительнее рот со слюноотделением и желудок в позе «всегда готов!», а несъедобные, но сексуально возбуждающие отправляются на самый первый этаж, для опознания на предмет – подходит этот запах под серию «все для продолжения рода» или не подходит? Если

подходит, наш организм тут же создает в нашем желудке или под ним настоящее безвоздушное пространство, в котором начинает плавать это наше желание, толкаясь оттуда прямо в мозг, как младенец во чреве. И наш организм, немедленно выделяя нечто подобное желудочному соку, но только на первом этаже, начинает быстренько готовиться к возможному контакту. Он смазывает дорогу будущему сонму живчиков, именуемых сперматозоидами и несущих свои генетические красоты для соединения с вашими генетическими красотами, чтобы, слив все это воедино, получить на выходе шедевр генных поколений и как результат невиданный ранее свету индивидуум, надежду двух генетических линий в одном необыкновенном младенце! Надежда толкает самых заинтересованных в лице дедушек и бабушек восклицать: «Боже! А наш-то хорош! Как хорош! Вылитый папа!» Или: «Вылитая мама!»»

Может быть, правы и те и другие, а может быть, и никто, но что-то в этом во всем есть. Что-то где-то зарыто! Потому что бывает же такое: поворачивает человек голову, и две махонькие складочки, мило сморщив нос, подкрепленные двумя махонькими ямочками на щеках, въедаются в твою душу навсегда! Намертво въедаются и начинают мешать спать спокойно по ночам; подталкивают под локоть, чтобы ты давилась кофе по утрам; задумавшись о них, ты проезжаешь свою остановку в трамвае; и вообще начинают затмевать весь белый свет!..

Вот так это случилось и с ней. Один очень медленный, как в замедленной съемке, поворот головы, и захотелось рассказывать стихи, которые она очень любила, захотелось парить на крылышках над этой большой, захламленной мастерской, захотелось стать выше и красивее, говорить нежным, женским голосом, а не таким хриплым и почти мужским басом... И тут же тебе, пожалуйста, и смазка... как реакция организма на решение мозга: данный индивид подходит под серию «все для продления рода»! Ей тут же захотелось на нерест!

«Ну-у-у, так хватай и аркань! – хотелось сказать самой себе. – Но как?»

Смешные мы, люди, человеки. Решение-то организма принимает молниеносно, но твоя организма, а не его? А его организма, она и не в курсе. Ее нужно еще настроить, подтолкнуть, подсказать ей надо, что напротив стоящий организм уже созрел! Проходит три очень длинных года на намеки, подсказывание, подталкивание. Охмурение, другими словами... И какие длинные три года...

А тогда, в ту самую первую минуту, она стояла, смотрела на этот медленный поворот головы в лучах яркого солнечного света прямо из окна, под которым он сидел, на его лучезарную улыбку, на морщинки, на ямочки, на шикарные, пышные, волнистые волосы любимого светло-песочного цвета, рассыпанные по плечам, на голубые глаза, раскрытые навстречу ей, на губы, по-молодому немного пухлые и

красиво очерченные. Она тихо обалдевала. Сразу от всего. В затылке мелькнула мысль, что или вот это она где-то уже видела, или такое ей приснилось во сне еще девочкой, но где-то уже было, или непременно должно было быть! Непременно! Как какая-то мистика или дежа-вю! Сердце екнуло и шепнуло, что именно так должен был бы выглядеть ОН, мужчина ее мечты. Она поняла это и одурела! И от его молодости, и от красоты, и от улыбки, и от этих морщинок, и от ямочек, и от собственной реакции. У нее, от общей совокупности всего увиденного, в горле все слова враз застряли. Заклинило их, зацепившихся за первое впечатление! Она стояла молча, как парализованная, и пялилась на него во все глаза...

– Я вас слушаю, – сказал он хорошо поставленным голосом, правильно выговаривая слова, как это могут делать только артисты. – У вас что-то случилось? Вид у вас какой-то перепуганный.

– У нас... у нас аппаратура... сломалась... фонит... концерт... вечером у нас... а она фонит... – замямила она слова и помахала рукой куда-то за себя.

– У вас аппаратура сломалась? Фонит?

– Ну да. Фонит она... Аппаратура у нас... сломалась...

– И что?

– И надо... сделать ее надо... концерт вечером... у нас...

– Вы хотите, чтобы я вам аппаратуру посмотрел?

– Ну... да...

– А где?

– На площадке. На концертной площадке... здесь в филармонии...

– На втором этаже?

– Ну... да...

– Хорошо, я сейчас спущусь. Вы идите, я следом буду, только возьму инструменты.

– Хорошо... я... тогда пойду...

Она с трудом развернулась и, натываясь на ящики, побрела к выходу. Она так медленно передвигалась по мастерской, что уже на выходе он догнал ее и подхватил под локоть, чтобы помочь спуститься по темной лестнице. От соприкосновения ее так тряхануло током, что она даже испугалась и подумала:

«Уж не держится ли он двумя руками за оголенные провода? – и даже посмотрела на его руки. Но ничего такого в его руках не было, только чемоданчик с инструментом. Вот тогда она до конца осознала и почувствовала, до какой же степени он ей понравился! – Вот это да! Кажется, я попала!» – мелькнуло в голове...

– Меня зовут Алла Ивановна, – выдавила она из себя, чтобы как-то сама себя вывести из странного состояния, в котором только что оказалась.

– А меня Александр. Друзья зовут Саша или Саня. А до отчества я еще не дорос.

– Очень приятно познакомиться, – опять выговорила она, хотя его слова и кольнули неприятно, как будто ткнув ее но-

сом в немолодые годы. Но почему-то это ее не обидело. Наоборот, она вдруг с ужасом почувствовала, что ей очень хочется говорить с ним и говорить, говорить и говорить, без конца говорить...

Она сразу же испугалась, что сейчас ее может прорвать на треп, в котором она всегда чувствовала себя большим докой! Может быть, это была реакция на тот ступор речи, который только что произошел с ней в мастерской? Вроде бы как замазка для ушей, потому что уж что-что, а потрепаться она умела залихватски. Могла заговорить намертво кого хочешь. Ее часто насылали на несговорчивых директоров площадок или кустовых администраторов, потому что отбиться от нее просто так было невозможно. Если она ставила себе цель, то могла проговорить хоть час, хоть два, хоть три... да еще и хриплым, противным голосом, чтобы было до печенок доставучее... но своего добивалась обязательно, оставляя «хладный труп» театрального чиновника, который долго еще приходил в себя после ее нашествия...

Эта черта характера всегда высоко ценилась на наших эстрадных подмостках у администраторов, но сегодня могла ей или помешать, или оказать ненужную службу. Сегодня нужно было прикусить свой язычок и молчать, молчать и еще раз молчать, изображая из себя очень умную и интеллигентную женщину. Но как? Как? Когда так и подмывало говорить, говорить, хорошо поговорить! От души и даже, может быть, под рюмочку...

Аппаратурой они занимались часа два или три, все починили и настроили как-то на удивление легко, с улыбками, шутками, прибаутками. Она не могла налюбоваться Сашей, от которого шло удивительное тепло и легкость, и ребятами из ее коллектива, которые тут же подхватили его открытую манеру общения. Она заставила себя не лезть на сцену, к нему под руку, а спокойно сидеть в зале, на зрительском месте. Сидела в пятом ряду, не спуская глаз и переживая за него сильнее, чем он мог бы переживать сам за себя. Боялась, что он может оказаться не таким всемогущим, как она надеялась, и подвести ее в глазах остальных ребят. Но он не подвел. Это очень обрадовало ее где-то внутри, хотя она никому и не могла показать своих чувств...

Прелюдия

Он подошел к ней сам где-то на тридцатой минуте концерта. Она стояла за правой кулисой и смотрела на сцену. Он подошел сзади, со спины. Взял вдруг за локти сразу двумя руками и сказал очень близко на ушко, чтобы было слышно за грохотом музыки:

– Добрый вечер. Все нормально? Аппаратура работает?

– Во как работает! – Она подняла большой палец, не поворачиваясь, прямо над своей головой, повыше и показала ему. – Отлично работает! – а сама вся зашлась телом от его прикосновения и даже сжалась от приятного ощущения внутри себя.

– Отлично! – опять сказал он на ухо, но не ушел и все так же держал ее под локти, чуть прижимаясь сзади всем телом.

А может быть, ей показалось, что «чуть прижимаясь», но как же это было приятно! Она стояла, почти не дыша, и ощущала его всего. Она боялась шевельнуться, потому что тогда он мог бы уйти. Ей казалось, что он тоже не дышит. Так они простояли молча почти до самого конца концерта. Отвлек их рабочий сцены. Он что-то прокричал Саше на ухо, и они оба ушли за задник. Она осталась стоять одна, медленно приходя в себя от его прикосновений и пытаясь собрать воедино свои разбежавшиеся по закоулкам извилин мысли. Мысли были ошеломительно радостные, одуряющие и зовущие... Она их

очень испугалась, потому что они казались нереальными...

«Так! Быстренько успокоилась! Это все тебя не касается! Этот овощ не с нашего огорода. Не про нашу честь. Он вон какой молодой, а ты старая калоша, поэтому утихомирь свой дурацкий организм и закуси губу. Раскатала! Смотри, чтобы об нее никто ноги не вытер!» – четко и с расстановкой сказала она себе, чтобы отрезвиться от сумасшедшего ощущения.

Но отрезвиться не пришлось, потому что из-за задника показался улыбающийся Саша. Со знанием дела, целенаправленно, он подошел к ней и... вернулся ровно в ту же позу, от которой его оторвали, как будто это было его законное место. Взял ее сзади под локти двумя руками.

«Что само ушло, само может и вернуться. Китайская поговорка», – ни к селу ни к городу подумала она и тоже осталась стоять в той же позе, как будто он не уходил только что, а теперь не вернулся. Как будто он стоял вот так всегда и это действительно его законное место.

– Через сколько концерт закончится? – опять прямо в ухо спросил Саша.

– Минут так через десять, а что? – повернула она голову к нему, от чего пришлось поднять ее кверху и запрокинуть.

– Да нет, ничего. Я так, – прокричал он ей в ухо.

– А я думала, вы спрашиваете для того, чтобы меня на ужин пригласить? – сказала-спросила она очень игриво, сделав бровями горку, а ресницами застенчивость, и удивилась. Она не ожидала от себя такой прыти в первый же день зна-

комства. Нет. Она не была пуританкой и очень хорошо реагировала на предложения мужчин встретиться «для поправки здоровья ночью», не заглядывая в дальний угол. Но всегда это было просто, наверное, потому, что не цепляло так сильно, как в этот раз. А в этот раз возможное рисовалось неожиданным, обжигающим нервы, мистическим и нереальным! Если оно могло случиться, то должно было быть красивым, если, конечно, вообще могло случиться?... Оно должно было быть украшено цветами, музыкой, свечами... то есть всеми букетно-конфетными атрибутами. Так ей мечталось... а сама – пожалуйста, сразу и на ужин взялась набиваться...

«Ну, я даю! Ай да Пушкин!» – мелькнуло в голове гордостью похвалы самой себе.

– А вы не против? – отвлек он ее от самокритики и самокопания...

– А почему я должна быть против? – тут же откликнулась она и опять удивилась на свой рот, который выговаривал слова, не дожидаясь решения и приказов из мозгового центра. – Ужинать все равно надо. Можно в местный кабаk пойти, а можно и в номере. Мы к походной жизни привыкшие, нас гостиницей не испугаешь! – выдала она ему как можно громче и все еще удивляясь сама себе.

– Тогда, может, пойдем отсюда, надоело кричать, – предложил он.

Они прошли в пустую гримерную, остановились там посреди комнаты, не зная, что говорить друг другу в наступив-

шей тишине. Она стеснялась своего хриплого голоса, а он стоял напротив, рассматривал ее и обдумывал свой порыв про ужин. Он начинал сомневаться в его правильности, это было заметно по глазам.

– Ну, так куда пойдём? – первой нарушила она тишину, спугнув его сомнения, и постаралась сказать это как можно нежнее и женственнее.

– Лучше бы в ресторан, но только у меня с денежкой негусто, поэтому мы пойдём в кафе при ресторане, там кухня та же, но значительно дешевле. Там наши филармонические всегда едят днем и пьют пиво по вечерам. Особенно симфонический оркестр. Весь там заседает. Любимое место. Клуб по интересам.

– Э нет! Идем в лучший ресторан этого города! Сегодня я угощаю. Мы же должны рассчитаться за аппаратуру? Вот я и приглашаю.

– Я так не привык. Я всегда сам рассчитываюсь.

– Это все прекрасно, но я вам действительно должна за аппаратуру. Будем считать, что я с вами рассчиталась, а вы на эти деньги приглашаете меня в ресторан.

– Ну, если только так. Тогда я согласен. Идемте.

В тот первый вечер, в самом его начале, она чувствовала себя как-то натянуто и скованно. Может быть, это было из-за аппаратуры? Нехорошо было именно так начинать знакомство, как бы унижая его то ли подачкой, то ли оплатой? А может быть, из-за своего хриплого голоса, но она на удивле-

ние сама себе стеснялась начинать разговор и ковыряла вилкой в тарелке очень сосредоточенно, как будто и правда была очень голодна. А Сашу с начала вечера отвлекали всякие местные личности, посещающие ресторан. Они считали своим долгом, наверное, из чувства глубокого уважения, так показалось Алле, подойти и поздороваться, при этом оценивающе окинуть взглядом «даму» за столом. В результате весь разговор, все их общение вдвоем начинало сводиться к общим темам:

- На улице весна в самом разгаре...
- Хорошо, что эпидемия гриппа сошла на нет...
- А вы здесь всех знаете?...
- А вы надолго приехали на гастроли?...

Разговор получался такой пустой, что даже не смешил ее, не говоря уже о том, чтобы заинтересовать. Ей хотелось, чтобы он был хотя бы ознакомительный, поэтому она плюнула на свое стеснение и стала первой рассказывать о себе в юморной, вольной манере, чтобы как-то раскрепостить обстановку за столом. Он тоже должен был включиться в эту игру. Она хотела услышать от него то самое главное, что всегда подспудно интересовало женщину: занято ли его сердце?...

– А вы постоянно живете в этом городе? И родились здесь?

– Да нет. Я из другого города. Родился я не здесь.

– А я родилась в Подмосковье, в маленьком городке Химки. Правда, тогда он был еще подмосковной деревней. ДЕРЕ-

венские мы.

– Да и мы не совсем городские...

– То есть? – спросила Алла.

– Я с Украины. Из славного города Балаклея. Правда, то место, где я жил, городом можно назвать с натугой. Мы жили в своей хате в пригороде Балаклеи, селе Пришиб. С садом, огородом, картошкой, которую родители заставляли копать осенью, ну и с прочими гусино-куриными прибаббасами, включая драчливых индюков, две коровы, а к ним, соответственно и сено, ну и всякое разное, что бывает при своем хозяйстве, да еще когда родители оба работают в соседних пригородных предприятиях. Так что я вырос в чужих садах да на речке. На природе, другими словами.

– Ну да. И мое детство было ярко окрашено деревней и просторами для роста, хотя мы и жили в двухэтажном, правильно сказать бараке, который стоял на самой границе леса, поля и соседней деревни. Поэтому нас двор воспитывал и лес, как и вас. Там мы и пропадали с утра и до вечера. Я своих родителей видела мало, они у меня были тоже шибко работающие, плюс коммунисты, но очень любила. Из-за своей занятости они меня малость не досмотрели аж с самого раннего детства, а когда очухались, я успела превратиться в глобальную проблему, которую они решить оказались уже не в силах, столько во мне дуре оказалось дури. Мама у нас была очень инициативная, парторг, но здоровьишком слабая. Сердце. Врачи советовали не тратить на меня свои силы, бе-

речься от лишних неприятностей. Но школьные учителя думали по-другому. Они очень хотели привлечь ее к процессу воспитания дочери, не обращая внимания на разные и всякие предписания врачей. Правда, все это не помешало им с папой прожить долгую и счастливую жизнь! Они очень любили друг друга, свою работу, нашу квартиру и до самой старости ходили за ручку. А я с самого раннего детства стала любить себя сама, потому что больше любить было некому. Так что я с детства человек недолюбленный, но зато свободный и к себе отношусь правильно...

– Да... Мы все чего-то недополучили в детстве... Наши родители были очень заняты общекоммунистическим строительством... Некогда им было утопать в быту... – Саша сделал горестное лицо.

– Ну да... А еще мне всегда очень нравился цирк и клоуны в нем. Я и себя с раннего детства считала Клоуном! И мечтала, между прочим, работать клоунессой в цирке. Поэтому очень люблю ко всему прикалываться! Бог послал вот этой дуре, – Алла указала себе пальцем в грудь, – жизнь на удивление полную. Она у меня и правда через край. Я, между прочим, клоунов собираю. Кукол. У меня уже большая коллекция. Еще чуть-чуть, и можно в книгу Гиннеса подаваться...

– А можно будет когда-нибудь полицезреть?

– Посмотрим на ваше поведение... – Алла сделал хитрые и зовущие глазки. – Если будете паинькой и случайно забре-

дете в славный город Москву, я, так и быть, их вам покажу. Я ведь в этой жизни осталась совершенно одна. Одна-одинешенька со своими клоунами! Даже детей Бог не дал, наверное, побоялся дури... ков на земле плодить. А так как я с раннего детства все ждала и ждала приключений, как в цирке, то Бог мне их и подкидывал вместо детей, досыта и больше. Чтобы не скучно было...

– Вы так интересно к себе относитесь!

– Лучше самой шутить над собой, чем задыхаться злостью от человеческого злословия. Я так думаю.

– Это удел людей очень умных и поэтому критически оценивающих себя, – промолвил Саша тихо и задумчиво.

– Я надеюсь... Во всяком случае, есть надежда на папины и мамины гены. Они у меня евреи. Это вселяет слабые надежды на ум целой нации, обособленной сознанием своего высшего предназначения от всего остального остолопного населения.

– А я ведь тоже еврей.

– Слава богу, все вокруг свои. Тогда можно в полную признанку...

– В каком смысле?

– В смысле выкладывания всего чего на душе – начистоту.

– Совсем?

– Ага! Мне так больше в кайф. У меня, как только появились первые признаки зачаточных мыслей, я тут же очень внимательно посмотрела на себя в зеркало. Посмотрела, а

там ужас натуральный, тьма египетская сгустилась! До того я все детство и раннюю юность жила яркими иллюзиями всеобщего счастья, скача по полям и лугам. Но потом мы все повзрослели, и настырные деревенские дети с крикливыми обзывалками заставили глянуть в зеркало повнимательнее! А в зеркале я обнаружила совсем другие иллюзии. Они оказались искусанными. Искусанные иллюзии отрезвили меня навсегда! Поэтому теперь я живу по принципу: что хочу, то и ворочу! Лучше сама про себя скажу, что хочу и кому хочу. Так легче для внутреннего переваривания. Иногда такое скажу, что человек даже шизеет. У него только-только в мыслях появилось сказать что-то пошленькое, наметка белыми нитками, а я уже озвучила и прямо в лицо! Так интересно наблюдать и прикалываться! Во-вторых, я сама себя и по жизни считаю очень прикольной. А теперь тем более. Я уже тетя немолодая. Могу себе позволить прикалываться по большому счету и городить любой огород, потому что мне уже все равно, что обо мне подумают! Я даже похороны Сталина помню. Хочешь, расскажу? – Она скороговоркой выдала последние две фразы так весело и быстро, что они дружно рассмеялись.

Атмосфера и правда стала непринужденной. Саше не оставалось ничего другого, как подхватить предложенную форму общения:

– А у меня все живы. И папа, и мама, и два брата, и две сестры. И даже бывшая жена! Все они живут на Украине, там

же. Моя бывшая жена тоже работает на эстраде. Она у нас кордебалетная. Ногами дрыгает у одной знаменитости в коллективе. Гастрольная жизнь нас и развела. У меня даже сын есть, только почему-то не на меня похож, а на знаменитость. Копия. Поэтому я и не стал цепляться за ту жизнь, как макака за сук. Решил лучше почесать макушку в поисках умных мыслей и должных поступков. А так как из головы умных не начесал, то почесал подмышку... А потом залез на пальму повыше, от людей подальше и стал жить на чердаке. Не клоун, но макака, одним словом... С рюкзаком за спиной по имени «бывшая жена».

— А у меня целых два рюкзака за спиной. Один слесарь-водопроводчик по молодости, а второй даже целый литературный критик! Во куда занесло. Только он оказался не критиком, а шустриком! Похлеще меня! А вдобавок тоже еврей и поэтому решил, что жизнь нам дается только один раз и прожить ее надо ТАМ... Так что мой рюкзак оказался в Штатах. Я последний раз развелась три года тому назад. Живу теперь в Москве одна со своими любимыми клоунами в маленькой однокомнатной квартирке хрущевской планировки. В хрущобе, одним словом...

— А я развелся только год тому назад и живу теперь на чердаке в филармонии дореволюционной планировки, хотя числюсь в номере этой же гостиницы, где мы сейчас в ресторане ужинаем.

— А что так? В гостинице же удобнее.

– В гостинице жить сложно, из твоего номера постоянно стараются сделать «клуб холостяков». Особенно женатые из местных. Вот эти самые... – он обвел рукой вокруг себя, как будто оправдываясь за подходящую к ним с дурацкими вопросами публику. – Вот так и получилось, что я на чердаке сделал себе гнездовье, а потом стал засиживаться допоздна и постепенно соорудил себе там спальное место, чтобы в номер не ходить. Потом перетаскал туда весь свой немногочисленный гардеробчик и стал жить в полной творческой свободе и удовольствии. Там стоит старенькое пианино. Вечерами я играю на нем, проигрываю мелодии, которые сами появляются в голове на стихи, которые я сам еще в школе и в музыкальном училище сочинил. Мне нравится. Ребята говорят, что получается хорошо. Кое-что мы уже со сцены поем. Я работаю в коллективе при филармонии. Может, слышали? «Времена года» называются. Я солист. А вообще мне такая вольная и спокойная жизнь без семейных скандалов очень нравится. Жизнь вольного казака. Никто не мешает ложиться, когда захочу, и вставать, когда выплусь. Соседей нет, можно посреди ночи брэнчать досыта! Класс! Полный чердак удовольствий! Как в Бразилии...

– Ясенько про вас. Вольный казак, значит? – Алла отстранилась на спинку стула, прищурила глаз и посмотрела как бы внимательно и как бы издалека. – Или обезьян?

– Вольный гамадрил... точнее гомодрал... А что? Плохо, что вольный?

– Да нет. Просто я так сказала. Вольным гомодралом быть хорошо. Я по жизни тоже совсем вольная... гомодралыщница... С раннего детства. Я же говорю – что хочу, то и ворочу...

– При нашей с вами работе только вольному и воля. – Саша перешел вдруг на серьезный тон. – Гастроли какую хочешь семью развоят. Или надо вместе ездить. Всегда. Я когда женился, мы ездили вместе. «Звезда» работал первое отделение, а мы второе. Хорошо работали, большие стадионы делали. «Звезда» тогда тоже работал в Горьковской филармонии, но потом он стал взлетать все выше и выше, и выше, стал работать сам, только он один и весь концерт. Потом все переменялось. Во-первых, он ушел в другую филармонию, во-вторых, набрал большой кордебалет, а в третьих, стал в ящике больше торчать, чем у себя дома. Телереклама кому хочешь голову вскружит. Вот Лена, так мою жену зовут, и решила, что она тоже звезда, раз в ящике торчит. А тут еще эта беременность. Почти до самых родов танцевала, а когда родила, я все сразу понял. Мальчоночка-то весь черненький оказался, с темноволосенькими кучеряшками то есть, глаза зеленые, ну весь в папу. У меня-то голубые и у Ленки тоже, и оба мы светловолосые. Правда, развелись мы тихо. А что скандалить? Он уже растет, а я оказался лишний. Так что я теперь один... – сказал он, но сказал с такой горечью в голосе и с тоской в глазах, что она поняла – рана свежая, еще даже не затянулась и нужно его щадить...

Саша вздохнул и задумчиво опустил голову, что дало Алле возможность посмотреть на него прямо, во все глаза. Поэтому и рассматривала она его в эту минуту как-то по-особому, как бы соприкоснувшись с ним душой, тем более, что вместе со вздохом его глаза зацепились в задумчивости и не смотрели на нее. Можно было позволить себе посмотреть на этого молодого мужчину откровенно и не стесняясь. Что-то в нем было до такой степени открытое, что притягивало к нему взоры многих людей в этом ресторане. Он производил впечатление человека откровенного и абсолютно честного не только в поступках, но и в мыслях. Сама Алла такими качествами не обладала. Если сказать честно самой себе, она всю свою жизнь хитрила и изворачивалась не потому, что это был ее стиль поведения, а потому, что так себя вели все знакомые и подруги. Даже ее родители, в принципе честные люди, все равно хитрили и как-то ловчили, делая вид, что они люди честные и положительные. А Саша вел себя так, как будто он был честен от природы, от чистого сердца и взаправду! Это ей очень импонировало! Очень! Таких мужиков Бог ей еще не подгонял. Пауза затягивалась, и Алла разбудила ее сама:

– Что мы все о грустном да о грустном? Лучше расскажите мне хороший анекдот.

– Да я все анекдоты знаю только матерные, гомодральные...

– А вы матерный, а где соленые слова, там говорите тумба.

– Тогда вместо анекдота будет одно только тум-ба и тум-ба, как в старом анекдоте про хор Пятницкого, везущего свой репертуар эмигрантам за бугор.

– Тогда я расскажу еще что-нибудь смешное о себе. Я это дело обожаю.

– Интересно, интересно. Я вас слушаю, – сказал вдруг Саша голосом нашего самого первого президента. Это было так потрясающе похоже, что они дружно рассмеялись.

– А вы еще и пародист?

– А я ваще на усе руки, как тот азэбрайжанец на Московском рынке, и ета правильна! Правда, Раиса Максимовна?

На них смотрели посетители с ближайших столиков и улыбались. Всем понравилась Сашина выходка.

– А еще кого вы можете пародировать?

– Авдотья Никитична, вы меня просто поражаете! О-хо-хо-хо-хо! Вы же знаете, что суть в подъезде! – выдал Саша и сделал глазками.

Народ вокруг засмеялся громче. Алле нравилось, что все вокруг смеялись очень доброжелательно, как близкому другу или хорошему знакомому, значит, его здесь действительно знали и любили. Она смотрела на него, и в ее душе все пело и ликовало! Он был необыкновенно хорош! Вот бы ей такого мужика! Все бы отдала за одну ночь! Но это только мечты!

– Мечты, мечты, где ваша сладость, – сказала она сама себе и спохватилась, потому что сказала вслух.

– Вы мне? – тут же спросил Саша, улыбнулся вдруг, но улыбнулся очень обещающей улыбкой.

– Ой! Проговорилась! – Алла сделала круглые глаза, смутилась, ужалась головой в плечи, улыбнулась скромной улыбкой школьной учительницы из провинции и прикрыла рот ладошкой.

– Ну и хорошо. Все сразу ясно и понятно. Если вы, конечно, Раиса Максимовна, не против? – опять заговорил он под экс-президента.

– Она против? – указала Алла сама себе в грудь. – Она никогда не сможет отказать такому мужчине и сказать «нет»!

– Может, тогда ну его, этот ужин? Айда на мой чердак! – Он перешел на собственный голос.

– А там туалет есть?

– Есть! Отличное ведро там есть! На десять литров!

– А душ?

– И душ из лейки! На пятнадцать!

– А может, пойдем ко мне в номер? Там точно есть и душ, и туалет.

– Если дама так любит красоты цивилизации, галантный джентльмен не имеет права ей в этом отказать и готов слезть с дерева! Идем... – Он встал со стула, подошел к ее стулу, отодвинул галантно от стола, помог даме подняться, но тут же задумался и добавил: – Но нужно взять конфетно-шампанские аксессуары. На сухую первая ночь будет буксовать.

– Ну, тогда будем смачивать и смазывать! – залихватски

сказала Алла, взмахнув рукой не столько для того, чтобы позвать официанта, а сколько для общего душевного подъема! А может быть, и для того, чтобы поднять настроение самой себе и чтобы не было заметно, что в ее душе его замечание про смазку вызвало не очень приятное чувство. Конечно, она не красавица и ноги не вытекают из ушей, но наекать на то, что без смазки на нее и не залезть, было как-то не очень... Но... виду она не подала. Такой красавец, да еще и молодой, был в ее пятьдесят один уже о-чень большим подарком. А она для него могла оказаться прямо таки антикварной редкостью. Раритетом. Можно было глазики на разные замечания и зажмурить. Нужно было от души радоваться его желанию и постараться изо всех своих зрелых и опытных сил не обращать внимания на то, что он еще очень молод для ее вызревших и мудрых мыслей...

Она же их копила годами... и многими...

Они затоварились в буфете при ресторане шампанским для нее, водочкой для него, конфетами, сухими колбасно-овощными закусками-бутербродами и поднялись на третий этаж, в номер к Алле. Это был обычный двухместный номер с двумя узкими кроватями, застеленными совдеповскими покрывалами с бежево-коричневым, квадратно-гнездовым рисунком.

Алла стала нервничать прямо от двери. Наверное, поэтому вначале никак не могла попасть ключом в замочную скважину, в полумраке коридора царапая ключом вокруг нее по

двери и чертыхаясь на себя за свою неловкость. Вместо того, чтобы радостно распахнуться для ее счастья, противная дверь решила выстроить ей забор. Ей, которая так ждала именно такого человеческого счастья всю жизнь...

Когда она наконец-то открыла эту вредную сволочь, злясь сама на себя и свою медлительность, даже не прошла, а проскочила в номер так быстро и стремительно, так на нерве и так резко развернулась около стола, что Саша почти налетел на нее. Получилось очень смешно, а потом вдвойне смешнее, когда они оба метнулись к столу, поставили на него пакеты, остановились напротив друг друга и, как зеленые перwokлашки, вдруг оба застеснялись своей спешки, не зная, с чего начинать разговор.

Стояли... и молча смотрели друг на друга...

Самая первая...

Самая первая ночь оказалась острой и запоминающейся навсегда. Все было исключительно ярко, необыкновенно и возбуждающе, было так совершенно не буднично, не пошло до противности, как обычно происходило ЭТО у нее в последнее время. Первая ночь оказалась не «для здоровья». Она была украшена бездной возбуждающих разговоров, особенных интимных шепотков и прочих удовольствий в кровати, тем более узкой. Эти милые интимности сразу же вписали необыкновенную ночь надвигающейся любви на памятнике, который она воздвигала внутри своей жизни, огромными золотыми буквами. Особенно разговоры и прелюдии!!!

Чтобы как-то разрядить обстановку, Алла попыталась сделать все максимально быстро. Но получалось коряво, суетливо и лихорадочно. Попытка занять себя работой, чтобы незаметно, было до какой степени она и боится будущей близости, и хочет ее, со стороны выглядела смешно. Так ей вдруг показалось. Она суетливо, ругая себя в уме, вытирала стол, включала настольную лампу для большего интима и вуализации своих морщинок, потом ее для этого же выключала... Потом передвигала пепельницу туда-сюда, вытаскивала из пакета бутылки, расставляла их на столе очень ровненько и симметрично, как в аптеке... И нервничала...

Потом, немного успокоившись сама внутри себя, специ-

ально медленно вскрыла коробку конфет, достала закуску под водочку и разложила ее на тарелке очень аккуратно и ровно... Она тормозила себя в уме, а вместо этого быстренько опять побежала в ванную вымыть стаканы. Мыла их под раковиной и понимала, что суетливость только мешает, заставляя его понять, до какой степени ей хочется быть сегодня с этим необыкновенным красавцем, но ничего не могла с собой поделать. Ноги сами носили ее по номеру. Она на той же скорости выбежала из ванной комнаты и стала вытирать стаканы полотенцем, а потом расставлять их на столе, передвигая то так, то эдак. Общий вид стола ее удовлетворил. Она тут же хватилась открывать бутылки и разливать по стаканам, сама, не ожидая его помощи и ругая себя последними словами...

Он стоял посреди номера и смотрел на ее суету, чуть прищурив глаза, отчего казалось, что он над ней насмехается, особенно ее умелому исполнению вскрытия шампанского без струи в соседа. Она не позволяла себе думать о возможной насмешке с его стороны, поэтому сдвинула тишину сама:

– А что мы стоим? В ногах правды нет, говорит народ и добавляет: стоя только ругаются. Мы же не ругаться пришли? Правильно? – скороговоркой подытожила она свои действия, подавая Саше рюмку и бутерброд.

– Совершенно, действительно. Просто меня всегда в номерах возмущает отсутствие диванов или кресел. Редко где есть. А на кровать садиться как-то неудобно. Вот об этом я

и думал, – выкрутился он из создавшейся неловкости.

– А нечего думать. Это же временное пристанище и не подходит под понятие дом, где неудобно сидеть на хозяйской кровати. Это гос-ти-ни-ца! Как в нашей студенческой песне Галича:

Эх, гостиница моя, ты гостиница.
На кровать присяду я, ты подвинешься,
Занавесишься ресниц занавескою,
Я на час тебе жених, а ты невеста мне...

Так и тут, все друг другу друзья и братья на один вечер. Поэтому можно без всякого стеснения садиться на кровать и думать, что это диван. – Она чокнулась об его рюмку стаканом с шампанским, выпила залпом и села.

Всю эту речь она двинула специально, чтобы он не подумал, что их могущие возникнуть отношения должны быть с продолжением. Что она на самом деле относится к нему очень взрывоопасно и уже, может быть, даже серьезно. Что тот заряд тока, которым ее потряхнуло еще на чердаке, предполагает не просто одну ночь, а бесконечное обладание. Правильно сказал кто-то умный, что любовь это бесконечная жажда обладания. Именно бесконечная, у которой не может быть удовлетворения, потому что жажда! Жажда Любви! Но существующая и страшная разница в возрасте мешала ей показать те чувства, которые проснулись, она должна была забыть о них, она должна была сдерживать себя и сама ве-

сти правильно их бронепоезд. То есть именно на запасный путь. В никуда. И эта гостиничная песня сразу расставляла правильно все акценты и ударения над ее мыслями.

– Ну, если так, то можно даже и прилечь! – весело выдал он, одарил ее лучезарной улыбкой, выпил рюмку стоя, но на кровать присел. – А вы тоже любите бардовско-походные песни?

– А как же! Они же провели нас через нашу молодость с рюкзаками и палатками! Как можно это забыть, когда все мы угорели еще в баньке у Высоцкого?! Угоревшее племя, потерявшее свою невинность в основном под кустами или в палатках! Вашему поколению этого уже не досталось! – Она взяла у него рюмку, опять наполнила себе и ему и подала.

– Ну, во-первых, не надо делать из меня мальчика. Я муж! Мужчина! И надеюсь, что мне будет предоставлена возможность сегодня это доказать! – Он опять улыбнулся очень обещающе, всеми своими милыми, еле заметными морщинками, чокнулся и залихватски блеснул глазами, опять зацепив за сердце необыкновенными искорками глаз. – А во-вторых, я тоже еще успел глотнуть дымка походного костра и вседозволенности сексуальной палаточной жизни. – Он показательно глотнул водку одним глотком, встал и налил ей и себе сам. – Я хорошо помню мою раннюю молодость и походную учебу. На Украине ночи теплые, лета стоят жаркие, такие же жаркие, как и наш молодецкий темперамент. Моя самая первая женщина было именно из палатки.

– А рассказать слабо?

– Не-а! Не слабо. Только с условием! Делимся воспоминаниями оба. И честно...

– Идет. Давайте выпьем за самый первый раз.

– Выпьем с еще одним условием – только на брудершафт. Мне надоело и ваше, и мое «выканье». Идет? – Он торжественно встал с кровати, поднял и ее, подхватив под локоть, гордо выпрямился, поднял рюмку, а вторую руку по-гусарски завел за спину.

– Идет. – Она тоже сделала гордое лицо светской дамы с портрета.

Они чокнулись, выпили, он наклонился и поцеловал ее в губы. Губы оказались нежными и пухлыми, а оттого, что он только немного их приоткрыл, были чуть влажными. Очень вкусными. Она задержала воздух и замерла, а он все не убирал свои губы от ее губ и не убирал... У нее закружилась голова, а по телу разлилось жгучее желание. Наверное, смазка разлилась... Он отодвинулся, но смотрел с очень близкого расстояния прямо в лицо, как бы рассматривал, как бы ждал, когда она медленно откроет свои. Его глаза были близко-близко. Зрачок в зрачок. Они пристально посмотрели друг на друга, и он еще раз поцеловал ее быстрым поцелуем...

В номере повисла тишина, повисела, повисела и упала, потому что была сбита ее громким и хриплым возгласом:

– Ну! Я жду рассказа! – которого она испугалась сама и

покраснела. Хорошо, что в полумраке не было видно ни ее порозовевшего лица, ни диких, перепуганных собственным голосом глаз.

Они опять чокнулись, выпили и он начал:

— Я созрел рано. Может, это потому, что моя старшая сестра вышла замуж и ее комната была через тонюсенькую перегородку из фанеры от моей? Не знаю. Но спать мне не давали с девяти лет. Однажды меня застали за рукоблудством, чем я занимался под аккомпанемент сестры с мужем и увлекся охами, вздохами собственного исполнения. Меня младшая сеструха и застучала. Старшую сестру тут же отселили в другую комнату, а за стенку переехала младшая. Но вкус блюда я уже почувствовал! А тут как раз летом меня отправили совсем в деревню к бабке. Я и раньше лето там проводил, но раньше это было раньше, а теперь мир стал восприниматься по-другому. Я помню! Меня тогда интересовало только плотское. Например, про соседского старого деда и его бабу, как это у них? Еще есть или уже нету? Или про мужчин и женщин. Они просто жили на свете, работали, ели, пили, разговаривали, а я все видел через призму других отношений и все время думал только про то, чем они занимаются ночами и кто с кем? Я не мог понять, почему они не меняются парами и не бегают ночами друг к другу на подмену? А потом еще и кони. Мы же по собственному желанию, городские, ходили в ночное и целыми ночами сидели у костра, мусоля все ту же тему секса. Я даже помню, как мы хвали-

лись друг перед другом и мерили палочкой.

– Ну вы даете! А палатка тут при чем? – Она протянула ему полную рюмку и чокнулась. Он выпил и продолжил:

– А сейчас про палатку. Рядом с нашей деревней был старинный курган. Там еще по весне появились археологи. И студенты, и преподаватели. Они жили в палатках на берегу нашей речушки, почти на пляже, и вечерами в ней купались голыми, девочки за большими кустами и подальше от мальчиков. А на взгорке мы, прямо над девочками, тоже в кустах заседали, рассматривали красоты нагого женского тела. Была там одна взрослая женщина, красивая, ядреная, чернявая, с косой! Как она мне нравилась! Вот однажды днем меня и занесло к этим палаткам, потому что там был самый лучший песчаный пляж. В лагере было пусто, и только эта чернявая была там. Была одна. А я-то не знал и выбрался из кустов. Я в ту пору был хорош! Выгоревший на солнце пацан-блондин с огромными голубыми глазищами и полными штанами желаний. Стою прямо около ее палатки, трусы снял, решил окунуться на жару, а она выходит, тоже вся обнаженная, как королевна, грудь торчком, волосы распущены, пупок нахально на глаза лезет и пушок... Ну, я и возбудился прямо у нее на глазах. Она как увидела мою реакцию, так и пошла прямо на меня... и повела спиной прямо в палатку. А там на себя и уронила... Вот так и не стало нашего дорогого Василия Ивановича Чапаева! Утоп в волнах кайфа и удовольствия... Помню только, что было ну очень классно!!!

– А дальше?

– А дальше я целое лето проходил учебный процесс. Секс в соседнем лесочке, под покровом ночи, включая все современные примочки... И французские, и китайские, и прочие йоговские... Она меня научила всему! Мне тогда было почти двенадцать, а ей почти сорок! Во как! – Он поставил пустую рюмку на стол, притянул Аллу и усадил себе на колени.

– А-а... Поэтому тебе нравятся женщины старше?

– Именно поэтому я сейчас буду вспоминать курс молодого бойца с женщиной моей молодости... – Он стал расстегивать на ней блузку очень медленно и аккуратно. – А ты не отвлекайся! Рассказывай давай! Теперь твоя очередь.

– У меня все было проще и прозаичнее. Я же уличный ребенок. Вот на улице и потеряла свое девичество, правда, не посреди русского поля. А мне тогда было уже шестнадцать. Девушка на выданье.

Он снял с нее блузку, потом бюстгальтер и стал гладить грудь...

– Не отвлекайтесь, девушка, не отвлекайтесь! Вперед! Я делом занят, а вы должны меня возбуждать разговорами. Вперед, вперед... – Он стал тихонько целовать ее в сосок...

Ощущение заставило ее застонать, но она поняла, что должна играть в предложенную игру, если не хочет испортить их сегодняшнюю первую ночь. Она стала рассказывать через стон свой самый первый сексуальный опыт, свою первую ночь, а точнее день. Рассказывала она, закрыв глаза,

отдавшись сладкому чувству, и через этот стон привирала ровно половину, для создания общей страстной картины. Ей даже понравилась такая игра, когда она, выпустив на волю свои фантазии, старалась продраться с ними через кайф, не теряя нить повествования, и распалить и его, и себя до состояния полного несдерживания желания...

– У нас за домами в лесочке была лесопилка, а мы, дети, там собирались в выходные дни. Залезали внутрь через дырку под полом и никто не знал, что мы внутри. Там были и мы, девчонки, и наши деревенские мальчишки...

– А-а-ахх! – не выдержала она внутреннего напряжения от нахлынувшего желания...

– Не останавливайся! Говори! Говори... – шептал он, пересаживая ее на кровать, медленно роняя на спину и приступая к молнии на брюках. Она приподняла попу, помогая их снять, почти теряя сознание, потому что он снял и трусики тоже и стал гладить ее интимные места...

– Ну говори же дальше! – почти прикрикнул он, и она продолжила, не открывая глаз и отдаваясь ощущениям:

– Мы... курили... там... сигареты... пили... дешевое... вино и... говорили об... об этом... а-а-ахх!..

– Ну!!!

– Говорили намеками, но понимали друг друга... Однажды утром мы залезли туда вдвоем с Толиком. Ему было всего четырнадцать, но он... а-а-ахх!.. уже попробовал женщину. Он стал мне рассказывать свои а-а-а-ахх!.. ощущения...

очень красочно...

– А потом! Потом! Рассказывай дальше... – Он стал целовать ее так сладко и необыкновенно, именно так и там, где ей нравилось больше всего. Она готова была рыдать от удовольствия, но пыталась рассказывать дальше...

– А потом... стал... мне рассказывать... а-а-а-ахх!.. Не... могу... больше...

– Нет! Еще хочу! Дальше! Дальше!.. – шептал он, прекращая ласку языком. Она не хотела, чтобы он останавливался...

– А-а-а-ахх!.. Я больше не могу-у-у...

– Еще! Что было потом? Что?

– Он... предложил... попробовать... А-а-ахх!!!

– Попробовала? – тихо спросил Саша...

– Да!.. Еще... как!..

– А хочешь еще раз?...

– Очень... хочу!.. Очень!.. Очень!.. – простонала она, села в кровати и стала молча и очень быстро помогать раздевать его. Они делали все так нервно и лихорадочно, так старались быстрее оказаться в объятиях друг друга, что оторвали несколько пуговиц от его рубашки...

А потом наступило это интимное... «потом»!!!..

«Потом» было сладким и необыкновенным! Когда она закрывала глаза, это «потом» всегда стояло с тех пор у нее перед глазами и надолго поселялось внутри, приводя ее организм в размякшее состояние расплывчивости. В нирвану

неги и лени...

С тех пор ей хотелось его всегда... Не только тогда, когда она видела его воочию, но и тогда, когда спать спокойно не давали ночные мечты... А разве можно было забыть его? Его! Такого сладенького и красивого, такого телесно одаренного, такого сексуального! Какая-то невидимая ниточка связала их души. Так казалось ей. Может, их ауры соприкоснулись и залипли друг на друге, а может, на ее ауре отпечаталось часть его? А может, это было потому, что он показал ей тогда всю науку, полученную и в палатке, и соседнем лесочке, отточенную и отшлифованную годами, так нежно, необыкновенно утонченно, но в то же время остро и красочно, что где-то посреди ночи им стали стучать сначала в одну в стенку, а потом и в другую. Под утро стали барабанить и в дверь. Они хихикали, пытались остановиться, но разве можно было остановить такой необыкновенно сладкий процесс...

Барабанила дежурная по этажу. Она возмущалась на весь коридор и требовала немедленно прекратить крики и открыть дверь...

Наверное, ей было и интересно, и завидно, но они не открыли...

Москва

Квартира встретила утренним весенним солнцем и радостным веселым настроением. Алла очень любила свою маленькую берложку. Оба окна выходили на южную сторону, прямо под окнами росли высокие липы, которые не давали солнцу жарить очень сильно летом. Правда весной, когда солнца так не хватало, а листья еще только распускались, вся квартира была залита долгожданным весенним светом с раннего утра и до самого вечера. Ей это очень нравилось. Дом находился в любимом районе, недалеко от метро «Войковская», три остановки на трамвае. Ленинградский проспект не мешал шумом под окнами. Сам дом был хрущевской застройкой. Конечно, хотелось бы площади побольше, но для нее одной этого пока вполне хватало.

Она бросила гастрольно-дорожную сумку около дивана, подошла к окну и задумалась над своей мелькнувшей мыслью про «пока». Так хотелось бы, чтобы это «пока» закончилось... Вот если бы Саша приехал сейчас вместе с ней в ее «хоромы», как бы она была счастлива...

– Не надо надеяться на несбыточное! – вслух сама себе сказала она. – Не может случиться то, что случиться не может! И точка! Надо жить дальше. Спасибо Богу и за этот-то подарок. Будет теперь о чем мечтать по ночам, а сейчас за дела...

Дел было навалом. И домашние заботы, и работа...

Нужно было заделывать концерты, опять звонить по филармониям и «доставать» администраторов. Раньше все было проще. Четко работали областные филармонии, «Москонцерт», «Росконцерт», прочие «концерты»... а теперь, с этой перестройкой все перемешалось, столько народу враз протрезвело, он тут же растерялся и перестал ходить на концерты вообще. Теперь все зависело от твоего умения договориться с каждым бывшим «кустовиком» отдельно и договорить организовать гастроли. Ее не было в Москве почти месяц и нужно было обзванивать своих «коллег» по работе, узнавать последние новости. Ей повезло, коллектив отработал «Золотое кольцо» прилично. Аншлагов не было, но и полупустых залов – тоже. Но второй раз по тому же маршруту не проедешь, нужно заделывать новый. Опять телефон, опять с утра и до вечера разговоры... а так все это надоело! Сейчас бы полежать на диване да помечтать про Сашу...

Домашние дела она не любила. Постирушки, посуда, пыль, готовка для себя чего-нибудь вкусенького не всегда были ей в удовольствие. Сегодняшний день нужно было посвятить именно этому, но так хотелось просто рухнуть на диван, помечтать и все! А лучше похвалиться кому-нибудь про свой неожиданный подарок Судьбы! Она не стала разбирать гастрольную сумку, оттолкнула ногой в угол за диван, подошла к своей смешной клоунской семье, восседающей по полкам на стене, с двух сторон от большого зеркала, и громко

сказала:

– Здорово, ребята! Мамка прибыла домой! Но разговаривать с вами сейчас у меня нет ни сил, ни желаний! Уж простите!

Она резко развернулась и завалилась на диван под весеннее солнышко с телефонной трубкой в одной руке и сигаретой в другой, рассматривая молодые, зелененькие листочки за окном. Кому звонить, она еще не знала, просто трубка в руках была как спасательный круг и могла чем-нибудь помочь. Алла лежала на диване и смотрела на зелень за окном, а мысли стали уводить ее в другой город, на чердак, где остался он, ее гомодрал...

Умному телефону надоели ее отвлекающие мечтания, и он зазвенел сам, вдруг, прямо в руках. Алла даже подпрыгнула от резкого звука и рассмеялась сама над собой.

– Алло! Слушаю.

– Алюнчик, это я, Лина, – раздалось из трубки высоким, быстрым говорком. – Ты уже вернулась?

– Да-а-а. Ровно полчаса тому назад перетащила свои уставшие конечности через порог родного дома. Ровно месяц эти стены не видели своей любимой хозяйки.

– Все удачно?

– Слава богу, откатали весь месяц без нервотрепки. Представляешь, я даже ни разу со Славкой, нашим худруком, не поругалась. Это прямо удивительно! А ты его характерец знаешь!

– Слушай! А у нас тут такие новости! У-па-дешь!

– Ну давай, не тяни, что тут такое стряслось без меня?

– Машка выходит замуж!

– Да ты чо-о-о! Не может быть. Неужели! Добилась-таки чего хотела. С ее данными это дело сделать было сложновато. Довела себя диетами до неузнаваемости... Превратилась из ягодки в изюм, а все надеялась, что еще с изюминкой.

– Это точно! Она последнее время похудела аж на тридцать килограмм!

– Приносила жратву в жертву и стала сухофруктом из-за своей бесконечной борьбы с годами и килограммами!

– И не говори!

– Диета это еще ничего! Она ведь решила почему-то, что если старая, то очень умная, народ ей это нашептывал. И правда. Нам всем лекции читала по неправильному поведению женского индивида в общественных местах.

– Это потому, что старше всех.

– Наверное, решила, что ее пора причислять к мудрецам, а сама даже не усвоила старую мудрость: весь век живи и век учись, а помрешь все равно дурак дураком, причем круглым!

– Теперь уже не круглым, а тощим, как палка!

– Сама придумала?

– Не-а. Это мне кто-то сказал, я даже где-то записала.

– Ну и кто он? Машиного сердца чемпион?

– Представляешь? Он у нее иностранец! Датчанин.

– Во как! Ну и повезло дуре! Это же надо, поймала-та-

ки себе иностранного козла! Теперь, наверное, поедет выпасаться на его, датском огороде, свой-то весь уже давно чужими козлами вытоптан.

– Да! Конечно, вытоптали. Их же много было!

– Она же должна была пасти их в пределах своего зрения, вот они и толкались по ее территории, пока не вытоптали.

– А чем же они там кормились? Машкиными суповыми наборами?

– А это сама придумала?

– Это Валя сказала, а мне понравилось. Прикинь. Огород, заросший вместо модной травы «Канада-грин» машкиными костями.

– Ты умнеешь прямо на глазах. Шутка. Машку жалко. Эти козлы и ее утоптали до субпродукта! Ты же видела, как она выглядела последнее время? Ужас! Коза облезлая, на двух тощих подпорках! Я бы, на месте мужика, в другую сторону рванула, а они, почему-то все-таки внутрь загородки норовили попасть. Оно и понятно. Машка их туда загоняла своей эмансипацией. Мне девчонки говорили, что она большая любительница французских примочек. Мужички очень любят шаловливые язычки, больше, чем обычный секс.

– Да уж... Я это точно знаю, опыт большо-ой! – Лина залилась веселым смехом на той стороне трубки. – Я тоже мужиков люблю и тоже балую, но что-то никак на иностранного козла не нападу.

– А ты не знаешь, где она его выпасла?

– Да вроде бы в компании у каких-то старых друзей. А ты думала, что на гастролях можно путного мужика выкопать? Ни-фи-га! Все более или менее нормальные сидят в Москве, или Питере. Так что, рыбка моя, надо со старыми друзьями почаще встречаться.

– Ты жительница нашей страны советов, причем чужих, а сама-то, почему никак не найдешь, ты же у нас вечная тусовщица. Или СТАРЫЕ они и есть старые? Молодые лучше? А?

– Молодые? Ты меня рассмешила! Да на тусовках все поголовно врожденные халявщики, особенно те молодые, что там пасутся. Так и норовят на халяву и у койку!

– Надо тусовки называть «альфонки». Типа валентинки. Но ты же обожаешь альфонсов. Ты им в сексе никогда не отказываешь.

– Счасс! А для здоровья? Молодежь для здоровья очень полезная. Не то, что старые козлы.

– Правильно! Нам для здоровья совсем другие требуются, не старые козлы. Для здоровья нужна высокая потенция, молодая и здоровая сперма и... красивая фигура. Лучше всего надо бы какого-нибудь грузинистого грека найти с бицепсами трицепсами. Чтобы радовал и глаз, и кое-что еще. Например, организм. Ведь не только онанизм укрепляет организм.

– Я тебе и говорю, что надо пореже по гастролям таскаться, подруга, между прочим.

– А вот и нет! Я тут себе на гастролях кое-кого откопала. И не только «для здоровья»! Молодого и греко-грузинисто-

го! Правда, хохла. Но они все тоже сплошная смесь греков с прочими, так что с темпераментом все в порядке. Он себя поэтому гомодралом обзывает. Будь здоров, как всю ночь драл! У меня были именины сердца, души и тела. Такой орел залетел в мое родовое гнездо и так старался, так старался, все гнездо так перешебуршил... Теперь аж болит!

– А вот это, пожалуйста, поподробнее и с картинками!

– Ишь! Чего захотела! Это вещь сугубо индивидуальная. Для воспоминаний ночами. Лягу сегодня в кроватку и буду в потолок пялиться, вспоминая прошедшее и представляя возможное будущее...

– Как? А мы что, сегодня на тусовку не пойдем?

– А где сегодня бомонд будет тусоваться?

– Сегодня презентация у какого-то банка, с закусью. Заодно и потреплемся.

– А как мы туда сквозанем?

– А у меня есть проскальзыватель на две морды.

– Ну и ладно, так и быть! Сбегаем на нерест! Во сколько и куда?

– Давай в семь у «Дворца Молодежи».

– А что, сегодня там будут тусоваться? Там же кабака нету?

– Как нету? Не может быть. Там со столом, в билете так написано.

– Ну ладно. В семь у входа. Пока.

Алла положила трубку и опять мечтательно уставилась в

молодую, зеленую листву за окном. Лиана со своими свежими сплетнями развеселила ее и еще раз заставила задуматься о себе. Алла сползла с дивана и передвинулась к зеркалу. Зеркало было большое, хорошо освещаемое утренними весенними лучами, и занимало существенную часть стены между занавеской, за которой стояла кровать, и окном. На остальной, свободной от зеркала стенке висели узкие полки, плотно, плечо к плечу заставленные и усаженные коллекцией клоунов со всего мира. Она очень их любила и даже одухотворяла. Они были для нее настоящими детьми. Бравые молодцы всех размеров, разрезов глаз и разномастных одежек. Красивые и любимые детки. Она провела взглядом по полкам и громко сказала:

— Здорово, ребята! А вот и ваша мамка наконец-то с вами пообщается. Как вы тут без меня жили? Все живы-здоровы? Все тип-топ? А что со мной произошло... Вы даже и не поверите! Я, кажется, влюбилась как девчонка — по уши! Во цирк-то! Да?

Алла задумалась. Она всегда подолгу беседовала с ними, делилась мыслями и тайнами, это была ее семья, но сегодня настроение было неделимое. Сегодня мысли скакали вразброд и в разные стороны. Несформулированные мысли лавиной нависали над ее личностью и не давали времени на планомерную расстановку по тем же полкам, как и ее цирковых детей, но только в голове. Вместо того, чтобы их упорядочить и разложить кого куда, она села на пуфик и стала

смотреть на себя в зеркало.

Из зеркала на нее пялилась старая морда макаки в очках, очень подходящая клоунским детям в мамы, с целым полем морщин, перепаханных трактором грубыми боронами под зябь и не переборонованных бороной. Она приблизила лицо почти вплотную к зеркальной глади, сняла очки и стала себя рассматривать еще внимательнее. Картина была нерадостная. Под глазами синюшными разводами выступила вчерашняя ночь. Пространство над верхней губой покрылось старческими, поперечными морщинками, из которых торчком торчали волосенки, хорошо, что еще не черные. В эти бороздки вечно забиралась губная помада, оставляющая красные полосы, как перпендикуляры, вылезающие за границу краски на самих губах. С двух сторон губ пролегли овраги, отделяющие щеки ото рта, такие же овраги четко обрисовывали нос. Брови украшали седые волоски, длинные и толстые, как бревна и толще остальных. Выше бровей противно было даже рассматривать, потому что там так откровенно выставлялись напоказ все те частые и очень назойливые мысли, посещавшие ее черепушку, что за многие годы из нескольких морщинок они превратились в три глубокие борозды, ровно и четко пересекавшие сократовский большой лоб, пригодный больше для пожилого мужчины. Все, что борозды вытолкнули со лба, сползло по щекам и свисало по сторонам, образуя снизу щек противные брыли, не убирающиеся даже мокрым полотенцем, которым она хлестала себя

нещадно снизу перед сном по противному лицу. Она стала сама себе корчить рожи и приговаривать вслух:

– Господи! За что же ты меня так не любишь? И все не любят, на тебя глядя. Как ты думаешь, почему с самого раннего детства я стала сама себя любить? Да потому что больше было некому! Если я сейчас ужас ходячий и тьма египетская, то в раннем детстве было такое «я тебе дам»! Если у кого-то мордашка смазливая была, то у меня только дерзость и назло. Ну почему ты мне дал такую противную, клоунскую рожу? Ведь должен же быть у тебя естественный отбор? Почему ты выбрал не все самое красивое с лица моих родителей, а все самое отвратительное и мужское только с лица моего отца и взгромоздил на мое, женское? Почему нельзя было дать мне мамин красивенький носик? Или маленький ротик, не говоря уже об ушках, лобике и глазах? Почему волосы у меня не выются, как у мамы, а висят паклями и в разные стороны, как у папы? А зубы? – Алла раздвинула губы, сама себе выставила напоказ свои челюсти во всей красе и сама от них отшатнулась. – Кошмар что такое! Неужели нельзя было дать мне мамины зубы? Она ушла в могилу со всеми своими зубами, с одной единственной пломбой, поэтому и позволяла себе улыбаться и хохотать так, что были видны даже зубы мудрости. Нет! Ты мне вручил папины! В каждом зубе по три пломбы, а половины вообще нету! А фигура? – Алла встала перед зеркалом во весь свой комический рост и опять надела очки. – Боже мой! Где длинные ноги от ушей? Где де-

вяносто-шестьдесят-девьяносто? Почему у меня не фигура, а прямое толстое бревно с тощими, короткими конечностями? А где грудь? Почему не ношу? Наверное, потому, что где-то Боженька посеял, до меня не донес, поэтому и не ношу. Вот что значит корни! Пошла фигурой в папу, а у папы в роду полукровки. Все еврейские полукровки почему-то обязательно квадратно-гнездовые, без талии, с тощей задницей, худыми бедрами и ногами бутылками внизу, в икрах. А пошла бы только в маму, получила бы чистые еврейские кровя! А у них все бабы настоящие красавицы по всему миру. Что наши, совдеповские, что, например, голливудские актрисы... Мне мама в детстве, под шумок, кое-что втолковала о «еврейском вопросе». Этот Богом избранный народ всегда имел очень холеных, красивых и умных женщин. А потому, что они всегда принимали участие в решении глобальных, еврейских, мирового уровня проблем. Помогали своим еврейским мужикам охмурять неевреев, всяких разных гоев, в нужных, корыстных целях. У-у-умные, потому что. Носители мудрости еврейского народа. Поэтому и пишут в графе «родители» – по матери еврейка. Если бы не советская власть, у меня бы так же было написано. У них, наверное, в глубо-о-кой древности был матриархат. Культ женщины. Наверное, поэтому и мне в голову ума заложено нехило. Я знаю. Только нельзя его особенно много показывать народу. Злить. Народ, он шибко завидуший! Народ, о-ох как не любит умных. Особенно баб. Так бы и сгнобил к чертовой матери! Потому что умные, они

себя всегда проявят, в конце концов...

– Вот и я еще всем покажу... Да? Ребята! Я знаю! Я стану очень известна и даже знаменита... На каком-то подкорковом уровне знаю, что обо мне еще заговорят и не только вслух! И не только наглоговорящие граждане, но и в ящике, и на большом экране... А что? Вон Луи де Фюнес во сколько лет стал знаменит? Аж за пятьдесят, по-моему... А я чем страшнее? А? Но вот с фигурой у нас что-то не очень... Господи! Фигуру мог бы хоть чуть-чуть получше подогнать, а то попробуй тут надень вот на это что-то красивое и путное! Фиг придумаешь! – уже громко возмутилась Алла, подняв голову к своим детям.

Она подошла к шкафу, распахнула его и стала перебирать вешалки, прикладывая к себе перед зеркалом. Все что она видела, ей не нравилось. Какая-то сплошная фигня-мигня получалась!

Тусовка, тусовка... А в чем мне на эту тусовку тащиться? Она убрала все в шкаф и уселась обратно на диван. Лучше в мечтах на диване сидеть, честное слово, чем себе настроение портить тряпками. Надо Вальке позвонить и что-нибудь перехватить на вечер.

Алла набрала номер и на прозвучавшее из трубки:

– Алло. Слушаю.

Затарактела очень быстро, стараясь не дать возможности Вальке вставить слово. Она знала, что если Валя ее перебьет, то придется час или два слушать накопленные за целый ме-

сяц вздохи и охи про потерянные годы и впустую проходящую жизнь...

– Валя! Привет! Только ты способна меня понять и спасти. Мне сегодня на презентацию вечером, а у меня в гардеробе страшный ужас поселился и не выезжает. Что делать, не знаю. Надо что-то яркое и броское, чтобы как светофор притягивало мужской взгляд, а в шкафу только шедевры совковой промышленности для бабушек. Валя! Ты у нас дама выездная еще по совковому периоду, а теперь вообще не вылезаешь из-за забора, в своих «славнефтевских» командировках! Выручай. Я готова к тебе выехать немедленно.

На той стороне трубки повздыхали, повздыхали, и трубка выдала:

– Ну ладно. Что с тобой сделаешь? Приезжай, но только прямо сейчас, я через два часа ухожу к массажисту.

– Спасибо! Лечу!

Подружки

Шкаф открыл свои внутренности и оглоушил Аллу накопившимися за время последнего просмотра возможностями. Она не совала нос в Валин гардероб уже полгода. Чего только в нем не появилось! Имея столько тряпья, такую внешность и фигурку, как у Вали, было просто удивительно жить одной. Она была от рождения хороша до невероятности. И носик маленький, как надо, и губки бантиком, как у куклы, и глаза голубые, огромные, как озера, и зубы тебе без дырок, все свои, и даже волосы вились кольцами и по своей природе были белокурые до состояния льняных летом. Фигурку Господь ей выдал при раздаче стройненькую, длинноногую, с тонкой талией, крутыми бедрами и стоячей грудью четвертого размера. Алла всегда ей завидовала и даже где-то тихо ненавидела беззубой ненавистью. Ненависть и зависть сдерживало существенное «но»... Ее гардероб. Единственное, за что можно было сказать спасибо без примеси зависти, так это именно за него. Они были одного размера по бедрам, почти одинаковые по объему груди, но не из-за самой груди, а из-за объема Алиной грудной клетки, ну а талия, это то, что иногда в кофточках на выпуск создателем не предусматривалось. Такая шмоточка Алле подходила и застревала иногда в ее доме на несколько месяцев. Именно поэтому Валя тяжело вздыхала по тряпочке, которая могла затеряться по чужим

людям, может быть, даже и навсегда. Валя была женщиной доброй, бескорыстной и этим многие пользовались.

– Слушай! Сколько у тебя новых тряпочек появилось! Интересно, если бы ты со всей Москвы собрала все свои шмотки, они бы вошли в твои шкафы?

– О чем ты говоришь! Я про половину уже даже и забыла. Отдаешь какую-то вещь одной подружке, а приносит через полгода совсем другая. Обидно, что даже не постирают или не почистят. Как будто я буду после них всех одевать без обработки!

– Слушай, у меня прямо глаза разбежались. Давай своими словами. Что ты мне сама порекомендуешь? Брюки у меня есть. Четверо, двое можно на выход, но сверху что?

– Вот у меня две новые тряпочки классные, посмотри.

– Хорошие. Точно могут подойти. А можно я обе возьму? Дома перед зеркалом покручусь и решу, что подходит. Я тебе сразу же все привезу, дня через два-три. Идет?

– Люди! Караул! Грабють! Ты грабительница, честное слово! Ограбила на лучшие тряпки! – запричитала гнусавым голосом Валя, подражая какой-то героине кино, типа Раневской, и закрыла шкаф.

Они перебрались на кухню, заварили себе кофе, задымили дружно сигаретами и приступили к той обязательной программе, которую Алла звала про себя довеском к тряпкам. Теперь нужно было выслушать как минимум про два, а то и три несостоявшихся романа и парочку прочих козлов.

– Ты целый месяц по гастролям таскалась?

– Ага.

– Что-то у тебя от этих гастролей лицо стало какое-то диетическое?

– У тебя бы еще и не такое было. Потаскайся по гостиницам, поездкам, самолетам и прочим местам. Одни рабочие все нервы выматывают. Или еще пьяные, или уже хороши. А чего стоит Славка? Вечный кобел. Сексуально озабоченный. Трахает все что движется, при этом любит выбирать пострашней. Такое впечатление, что для него гастроли – это рытье по местным помойкам! Такие экземпляры в гостиницу тащит! Ужас! Раньше хотя бы швейцары не пускали, а теперь, при нашей теперешней полной вседозволенности, кого хочешь, того и веди в номер. Вот он и старается пугать окружающее пространство и людей в нем.

– Тебя, что ли?

– А хотя бы и меня.

– Да тебя даже червивым покойником не испугаешь!

– Прямо! Я же тоже живой человек.

– Живой-то живой, но твердокожий.

– Да! Себя в обиду не дадим! Поэтому и ношу носорожью кожу, она потолще любой лягушечьей шкурки будет.

– Но лягушачью можно хотя бы на ночь снимать, а твоя носорожья намертво прилипла. Наверное, поэтому ты так мужиков и шпыняешь. Вот за что ты на Славку ополчилась? Ты на него бочку катишь, потому что сама не пробовала? По-

пробуй с ним трахнуться, и все встанет на свои места. Мои рекомендации тебе.

– Да ты чё! Еще подхвачу какую заразу. Я лучше так с кем-нибудь.

– А есть с кем? Ты последнее время у нас в девушках бродила...

– Раньше у меня ни на кого не стояло. Раньше. А теперь другое. Пора. Я стала расшевеленная. Сегодня пойду себе мужика снимать.

– Давай, давай! В новой тряпочке на нового мужика!

– Может, жалко стало? Да ты же все равно дома сиднем сидишь, тебе-то тряпки зачем? Удивляюсь я на тебя. Как так можно? Такая фигурка, такая мордуленция, а ты в такие годы все одна и одна? Неужели не могла за столько лет себе обузу на шею найти. Скучно же одной. Днем работа, а вечером? Со скуки сдохнуть можно. А где тот, последний?

– Ой! Лучше и не спрашивай! Он казался что надо, а оказался только с примесью порядочности, честности и мужества!

Козел, другими словами. Я ему и в дом, и в дому, и кофе в постель, и на работе полная поддержка, перед всеми задом крутила. Ты же помнишь. Я же его сама к себе на фирму привела, а он, оказывается, все только из-за карьеры. Такие интриги стал на работе плести, такие закидоны устраивать, даже против меня, что чуть не засыпал в канаве. Пришлось мне всех наших баб поднимать и его с работы выкуривать.

Так он, сволочь, представляешь, пару раз меня еще и около дома пугал. Иду как-то вечером домой, а тут самец в натуральную величину в дверном проеме вырисовывается! Я даже испугалась! Встретил прямо у подъезда и давай ругаться, гад, на всю улицу, что я ему жизнь испортила. Грозился прикончить. Задушить собственными руками. Во как!

– Да-а-а! Кто бы мог подумать? А таким крендебобелем ходил. Помнишь? Цветы таскал по праздникам! А мы все завидовали!

– Сначала он цветы в дом таскал, а потом я кофе в постель...

– Их близко подпускать нельзя, надо на расстоянии держать.

– Это ты кому рекомендации выдаешь? Мне или себе?

– И тебе, и себе. Все мы дуры одинаковые. Как увидим крепкий голый мужской зад и впереди крепкий член, так в башке включается зеленый свет и все переклинивает. Начинаем тут же на цырлах ходить, как пудель перед дрессировщиком в цирке, лапки впереди и кверху.

– Это что это за настроение у тебя? Какое-то не презентационное. С таким настроением только, как я, дома сидеть и выть на луну.

– Не-е-е! Я свое отсидела. У меня моторчик включился.

– Интересно знать, кто это тебе моторчик подключил? Кто вдруг расшевелил?

– Ой! Ты даже и не представляешь! Голубоглазый, блон-

дин, высокий, стройный, краси-и-и-вы-ый! Аж сердце захочется! Не зря по гастролям протащилась!

– Ну так хватай и у койку!

– Да «у койку» у нас уже состоялось! Но он же, гад, молодой! Лет на двадцать меня моложе!

– И залез на тебя?

– И залез на тебя-а-а! – передразнила Алла подругу противным голосом. – Залез! На меня залез. А что? Сильно старая и страшная?

– Да я не поэтому. Двадцать лет все-таки! Это много!

– Ну и что? Мы когда челку дыбом поставим, в глаз искорок накидаем и морду ящиком сделаем, для нас двадцать лет – тьфу! Две копейки! Вон Машка замуж выходит, мне Линка с утра сообщила. За датчанина!

– Да ты что? Не может быть! Она же старше тебя и намного!

– Ну, ненамного, но лет на семь-восемь.

– Это значит, ей уже будь здоров сколько!

– Да она бы нормально выглядела, если бы не портила себя диетами. Страшно же смотреть до чего довела сама себя! Год на сыром рисе посиди! А потом еще два года вегетарианкой была, а потом все эти хербалайфы! Зря ничего не проходит, поэтому морда такая сморщенная и стала. Преждевременно отвисшая наружность никого не красит! С таким отношением к себе можно очень быстро стать легендой, как некоторые карнавальные дивы семидесятых годов, а потом насту-

пать самой себе на хвост вечернего платья.

– А ты Машку давно видела?

– Наверное, полгода уже не видала.

– Так она же подтяжку сделала и эти, как их? Золотые нити под кожу протянула.

– И что? Рожа позолотела? Или красивее стала?

– Насчет позолотела или нет, я не в курсе, а моложе стала. Она еще и зубы новые в рот вставила! Она сейчас на все сто выглядит! Я ее видела всего месяц тому назад. Я прикинула – на реставрацию и отделку своего фасада Машка потратила так много денег, что это никогда бы не покрыть многолетней накопительной частью своих с трудом заработанных средств.

– Результат на лице! Хотя в молодости она была совсем другая. Совдеповская. Помнишь Машку в развитом социализме? Рядом поставить с этой Машкой – никто не поверит! Вот что сделали с женщиной бабки, климакс и перестройка!

– И не говори, подруга, у самой муж пьяница! У нашей Машки-промокашки всегда были соцзамашки! И куда что делось? Лет всего ничего прошло, а как быстро стала светской львицей! А была! Такой имела воинствующий вид, как будто всю жизнь сражалась или с врагами, или с трудновоспитуемыми подростками. Такие женщины, как правило, в молодости страшны до ужаса и чаще всего похожи на учительку первого класса. Мне всегда казалось, что с такими лицами копаются в доисторических черепках на раскопках, ездят изучать чуму в дальних африканских деревушках, или

возглавляют фонд помощи эфиопам.

– Ответ прост! Заведи себе собственное дело, как Машка, можешь позволить и не так выпендриваться!

– Это ты права. Она достойно вызрела в дорогой фрукт, почти экзотический! Слушай! Может, и нам рожи подтянуть этими нитями золотыми? А?

– Я лично собираюсь на роже себе татуировку сделать.

– Ты что, спятила? На лбу гадость себе всякую писать, или на щеке?

– Отсталый ты элемент! Я себе не на лбу и не на щеке буду тату делать. Буду подводить черным глаза и брови, очерчу красным контуром губы, чуть силиконом подкачаю, чтобы выразительнее были. Очень даже красиво! Всегда накрашенная, даже с утра, и поперечные морщинки убираются с губ, и ночью не размазывается! Представляешь, если губы пухлыми сделать, как у девочки.

– А что, так уже тоже делают?

– Уже все сделали, даже в губы силикон добавляют для пухлости, а не только в грудь. Это же тебе не совдепия, это тебе капитализм! А ты, отсталый элемент, за своими гастролями скоро себя потеряешь, станешь провинциалкой. И мужиков себе заводишь провинциальных. Надо за модой спешить и успевать. Поняла?

– Поняла... – Алла задумалась. – Может, и правда настала пора собой заняться? А?

– Пора, подруга, пора!

– Давай, договаривайся, я тоже хочу себе какую-то эту тату сделать... И нити... И даже зубы...

Тусовка

Алла обожала тусовки, но признаваться в этом народу не любила и специально показательно кривила губы на всякое упоминание про них. Тусовки появились не так давно и стали привораживать народ свободой нравов и демократией. Вначале ее останавливала от посещения тусовок собственная внешность и дурацкие шутки на эту тему. Она знала, что на каждой тусовке ее внешность обсуждаема всеми попадающими в поле зрения. Особенно старались «близкие подруги».

Кто только придумал на нашу голову этих «близких, закадычных подруг», которые на самом деле наши главные зловередные и закадычные враги. Именно подруги собирали сплетни по всей Москве. Именно они умножали их на восемь, приписывали от себя что-нибудь несуществующее и двусмысленное, добавляли по собственным соображениям побольше перцу и полученным блюдом потчевали, без всякого на то твоего разрешения и зазрения совести, всех окружающих. Самое большое количество окружающего индивида собиралось на ставших модными халявных тусовках, типа презентаций. Вот туда-то «близкие и закадычные подруги» и тащили свое варево, для того чтобы отравить те приятные минуты, которые можно было бы там получить.

Именно поэтому она и обросла носорожьей шкурой, пу-

ле— и сплетненепробиваемой, защищающей от «самых лучших, закадычных подруг». Именно поэтому же у Аллы на языке заработала фабрика по выпуску перца в окружающее пространство. А за это ее не любили еще больше. Защитная реакция до такой степени проникла в кровь, что срабатывала без всякого ее участия, самопроизвольно выпуская в общество ходячие шутки, как собственные, так и забытые народом, которые потом там селились и жили самостоятельно. Ее злой язычок стал знаменит на всю Москву, и постепенно разговаривать с Аллой позволяли себе или люди далекие от сплетен, или истинные любители позлословить, или полные экстремалы, которые любили прыгать с «тарзанки» или скалы в общество «друзей». Может быть, именно поэтому тусовки со временем полюбились ей и стали приносить огромное, прямо какое-то неопишуемое удовольствие. Такое же удовольствие она испытывала от любимого ночного развлечения: почесывание собственной спинки особью мужского пола после полового акта. Она выла от такого кайфа в полный голос и выгибалась, как пантера во время этого самого акта, царапая когтями простыни и громко ударяя хвостом...

Именно поэтому она стала позволять себе, как шуту, без тормозов и внешней цензуры говорить все что хотелось и нравилось, чтобы повеселить себя, позлить публику и пощекотать ей нервы. Иногда находились истинные любители такого вида спорта и составляли Алле компанию. Тогда коллективный накал страстей, слов и глупостей получался очень

пикантный и острый, хотя и очень редкий. Она надеялась, что такой подачей приподнимает себя над тупой толпой без всякого желания со стороны этой самой толпы...

Толпу она презирала именно за тупость и злоязычие. Как на старом совдеповском собрании – если брались хвалить, то обязательно все и хором, а если кто-то бросал маленький камушек, то толпа дружно закидывала человека горой камней и заплевывала ядовитыми желчными плевками до состояния утопания в них. Толпа она и есть толпа. Она поэтому и толпа, что изначально тупа. Она не любит индивидуалистов, а тем более умных. Алла причисляла себя к людям не просто умным, а поцелованным Господом прямо в лоб. Она была выше их всех! Она была Личностью и очень гордилась этим. Может быть, это было даже хорошо, что не только ее индивидуальность выделялась из толпы, но и внешность тоже. Это эпатировало ей и доставляло своеобразное удовольствие – шокировать публику до состояния глубочайшего шока. Это мог позволить себе только очень сильный и умный человек. Именно такой, каким она себя и считала. Она чувствовала внутри себя такую гордость и уверенность в себе, которая диктовала ей, что ее час еще не настал... Она точно дождется такого времени, когда Мир увидит, что есть ее Личность... Увидит и ахнет...

«Подождите, «друзья и подруги», я вам еще покажу, на что способна... Настанет золотое времечко и Мир меня узнает, узна-а-ет, это точно...» – говорила она сама себе.

Правда, она не знала, когда и в связи с чем это время наступит, но была уверена, что она не просто так прислана Творцом на эту Землю и должна сказать о себе громкое и веское слово...

Как всякая уважающая себя тусовка, сегодняшняя изобиловала претендентами. Попадание встык веков так перемешало и перетусовало тусовочное общество, что теперь оно пыталось расслаиваться насильно, для чего и бегало в общественные места. Особенно изобиловали тусовки знаменитостями или людьми, которые стремились ими стать. Народ должен был видеть их чаще, чтобы не забывать. К знаменитостям себя причисляли: артисты; певцы; известные, благодаря экрану, композиторы; юмористы; политики; корреспонденты; а так же их жены, любовники и любовницы, как уже засвеченные перед народом в прессе и ящике, так и обсуждаемые пока на ушко. Тусовки стали привлекать все больше и больше политиков. Их теперь тоже должны были узнавать и на улице, и на экране. Туда же подпадала целая туча кандидатов в знаменитости и кавалькада телевизионщиков, которые постепенно становились на много знаменитее артистов и по рейтингу приближали себя к известным политикам, или еще круче.

Сегодня тусовка пока чинно толкалась в вестибюле, светясь и любуясь собой, выглядывала знакомых, подглядывала за звездными знаменитостями, кучковалась по интересам и ждала приглашения за столы.

Лина и Алла прошли чуть глубже, к центру большого вестибюля у высокой лестницы, и тоже вытянули шеи.

Лина очень подходила Алле как фон. Внешне она выглядела очень модно, стильно и цивильно. Она была и ухожена, и уложена, и глупа, как пробка. Но, при этом как же удивительно непосредственна и мила! Лина удачно выделяла ее индивидуализм и подпитывала своим восторгом по любому поводу. Ее обманчивая внешность, вроде бы, не могла позволить людям даже в мыслях допустить – какое количество глупости на самом деле жило на ее продуваемом всеми московскими ветрами, чердаке, не особенно задерживаясь в извилинах. Может быть, извилины на этом чердаке были прямыми, как под линейку вычерченными? Может быть. А может быть, оттого, что она была настоящая, чистокровная русская, близко знающие ее сами не хотели допускать мысли о таком невероятном количестве глупостей, которые жили в ее красивой головке. Во всяком случае, даже внешне она производила положительное впечатление на собеседника. Носила на затылке пучок, гладко зализывая волосы, имела правильные черта лица, со строгими глазами и умной мимикой. Одевалась Лина тоже правильно. И в меру стильно, и в меру вольно, но дорого до понятности глазом, отчего казалась серьезной и умной дамой московского полусвета. На самом деле в ее голове были вечные сквозняки, которые не только не способствовали рождению там каких либо собственных мыслей, но даже не оставляли чужих и известных всему ми-

ру изречений.

Каждая удачная шутка Аллы воспринималась Линой, как шедевр и тут же забывалась, поэтому за один тусовочный вечер можно было одну и ту же шутку гонять по зубам с разными компаниями по несколько раз. И каждый раз Лина восхищенно замирала лицом и глазами, а потом задорно хохотала, заливаясь колокольчиком и заводя окружающих своей непосредственностью, при этом на ее щеках проявлялись две сексуально-зазывающие ямочки, завораживающие мужиков своей элегантно-деревенской неожиданностью. Близкие знакомые хорошо знали ее уникальную глупость и прощали то нагромождения нелепостей, которые она умудрялась создавать вокруг себя. Может быть, их пугала пословица: скажи мне кто твой друг? Не хотелось признаваться, что и ты из этого же тусовочного сообщества? Наверное, именно поэтому ей многое прощалось, а точнее не замечалось. Подруги знали, что ее собственных мозгов не хватало даже на приличную сплетню, поэтому она могла только наивно пересказывать чужие интриги, иногда перепутывая персонажей, отчего в болтливой московской среде возникали водовороты и течения не в ту сторону. Наверняка, это именно про нее сказала очень знаменитая, старая артистка прокуренным басом:

– Почему все дуры такие женщины?

Потому, что женщиной она была первостатейной! Но какой же доступной! Достаточно было мужику сказать ей на ушко самый затертый и занюханный комплемент, как он тут

же оказывался в кровати у Лины, откуда его приходилось выкуривать с трудом и треском. В ее постели было так тепло, чистенько, уютненько, мяконько и без претензий, что кандидат на выметание сопротивлялся изо всех сил, иногда долго. Даже умные мужики подпадали под обаяние Лениных ямочек и глупостей, всепоглощающей любые неприятности, и прощали ей все, плотнее и плотнее усаживаясь на шею. Поэтому приходилось, сплачивая ряды подружек, плести интриги и распускать сплетни по всей Москве, чтобы мужик поднимал лапки кверху и выметался со сладенькой жилплощади. Лина принимала в этом радостное участие, перепутывая, за кого же идет борьба, и очень бы удивилась, если бы ей растолковали, что борьба шла за нее лично.

Часто, распутывая хитросплетения Лениной глупости, Алла получала истинное удовольствие. Тогда веселила сама себя вечерами, кривляя рожи и пересказывая все своей смешной семье и себе любимой в лицах перед зеркалом Ленины ляпсусы и передерги. Наверное, ей на самом деле нужно было идти работать в цирк, быть клоунессой, но молодость и возможности уже пробежали мимо, поэтому веселила своим лицом она только сама себя и своих «детешек». Правда, почти всегда, отпуская в народ колкости и ершистые шуточки, она участвовала мимикой. Это получалось самопроизвольно и очень емко. Она об этом чаще всего даже не догадывалась, приписывая хохот, сопровождающий ее шуточки, только тексту и своему уму. Если бы она действительно

но стала клоунессой, мир бы мог получить еще одно знаменитое лицо в списке знаменитых и страшненьких комиков, таких как Бурвиль, или Челентано, Райкин младший или Лайза Минелли...

Не успели дамы продвинуться подальше от входа, как на них налетел Аллин старый приятель Витя. Он бережно нес в себе свежие сплетни, как чашку полную кофе, стараясь донести и не расплескать. Это было заметно по его сосредоточенному лицу. Новости плескались в нем, как рыбки в прозрачном аквариуме, и пытались выскочить раньше времени. Он был большим любителем и коллекционером всякого свежака, потому что работал парикмахером, стриг всех знаменитостей за кулисами и был в курсе всех самых свежих сплетен на сегодня. Себя он называл модным словом «стилист» и очень гордился, когда при нем его называли так же. Он был «голубой», поэтому воспринимался Аллой, как подружка. Он и вел себя как подружка, и одевался вольно, набросав на большое тело, шестидесятого размера, при росте под два метра, яркую палитру разномастных одежек, снабженных висюльками и веревочками с разномастными грузиками в виде брелочков и деревяшек, с кожаными штанами в обтяжку. Все это вместе взятое, плюс прическа выделяли его из толпы. Прическа, как светофор, маячила над ровным морем голов. Волосы он ставил ежиком, скручивая концы снопиками, выбеливал в соломенный цвет, а самые кончики красил или ярко-алым, или чернильно-синим до электрик, или об-

лезло-зеленым с рахитично недоразвитым хлорофиллом. Он был весьма экзотической тусовочной личностью.

– Ой! Девчонки! Привет! Алюнчик, как ты? Я тебя давно не видел. Тебя куда носило? Случайно не за рубежжж? – запричитал Витюша, ярко выделяя чисто по-московски букву «а» и добавляя для экстравагантности не только щебетание женским голосом с прорывающимися басовыми нотками, но и жеманности, размахивая кистями рук. Пригибаясь и целуя Аллу и Лину щекой к щеке, модным московским «поцелуем», он смешно отставлял зад и подмыкивал голосом, озвучивая соприкосновения.

– Привет, Витюнчик, привет! Я до зарубежа еще не добежа... Ты же знаешь: чем больше в армии дубов, тем крепче оборона. Поэтому меня на передовой держат. Как гарантию дубовости передовых артистических рядов!

– Ой! Алюнчик! Как я соскучился по твоим шуткам!

– Дурацким или дубовым?

– Нет! Смешным. Ты всегда такое завернешь!

– Что ты потом с трудом развернешь. Лучше выкладывай нам свежак. Чем народ в Москве беременный? Например, про Машку.

– Ой! Девочки! Машка такого себе мена отхватила! Я ей давно говорил, что надо заняться своей рожей и кожей. Не успела у нее с лица сползти опухоль после операций, как тут тебе, – и пожалуйста! Мужик! Да еще какой! Вы его еще не видели? Машка его демонстрирует почти на всех крутых тус-

няках!

– А она случайно не с самого гладкого и любимого места себе на рожу нацепила новую кожу? – выдала Алла ожидаемую от нее пошлость, и все дружно засмеялись. Лина раскатилась колокольчиками громче всех.

– Может быть, может быть! Выглядит ее лицо на удивление очень гладко. Точно как на том самом месте.

– Интересно, а ее мен догадывается, какие губки он целует?

Все грохнули так дружно, что вызвали на лицах окружающей публики неподдельный интерес. Народ стал подтягиваться поближе, дружно подставляя уши.

– Витюнчик, а ты в курсе, где это ей рожу латали? Может, и мне пора на рожу натянуть новую кожу? Поменять местами! Представляете? Раздеваюсь как-нибудь вечером перед классным мужиком, поворачиваюсь, а на него смотрят два умных глаза, увешанные мешками, а в некоторую глыбо-о-о-ую дорожку ныряет мой носик! Мужик сразу в обморок, потому что не понял, как это так носом губки куда-то так далеко и глубоко задвинуло и почему при ходьбе глаза по очереди то выше, то ниже подмигивают и подпрыгивают? – Алла добавила мимики для убедительности, и все опять засмеялись.

– Представляешь? А если он любитель пирсинга? Где он начнет искать твою милую киску-подружку? – давась от смеха, выдал Витюн, делая вопросы бровями.

– Наверное, за ушком!

– А почему за ушком? – с невинными глазами младенца спросила Лина.

– Значит под подбородком!

– А почему под подбородком? – опять выдала Лина.

Витюн так хохотал, что это было уже даже неприлично. Публика стала скромно подключаться, подхихикивая.

– Потому что там щекотнее. Ты не пробовала? Попробуй! – выдавила из себя Алла, пытаясь соблюсти приличия и не поломаться от смеха пополам.

– Я не поняла. Ну объясните мне, дурочке.

– Это просто игра слов. Мы словами играем, кто глупее. Поняла?

– Поняла. Ничего я не поняла! – громче, чем надо затахтела Лина. – Я так люблю твои шутки, но не всегда понимаю, а ты мне их не объясняешь. Я на тебя обижусь как-нибудь.

– Во-первых, из моих шуток всегда получается такой наваристый бульон, что у тебя от него может быть даже запор. Лучше тебе его не употреблять. А во вторых, что ты так громко кричишь? Ты же не курица, которая только что снесла яйцо!

Лина, нацепив на лицо приторную улыбку, собралась что-нибудь ответить на реплику Аллы и стала усиленно шевелить ветром на своем чердаке, отыскивая там хоть какой-нибудь уголок или чуланчик, где могли случайно застрять чьи-

то мысли, но Витя отвлек ее от напрасных поисков счастливыми возгласами громким шепотом:

– Ой! Девочки! Внимание! На нас движется Машка собственной персоной со своим! Приготовились!

К ним подошла цветущая новыми красками лица Маша, которая распространяла вокруг себя запах счастья, с очень приятным мужчиной под руку. Мужчина был что надо, в самый раз под Машку. Рост выше среднего, стройный, поджарый, моложе Машки лет на пять, не больше, рыжеватый блондин с белесыми иностранными ресницами, бровями и глазами. Но улыбающийся всем, как китайский болванчик, направо и налево.

– Девочки! Витенька! – пропела Маша и мило выставила на обозрение все свои тридцать два новых зуба. Фарфора на них набралось бы на целый богемский сервиз на тридцать две персоны. – Как я рада вас видеть. Мы так давно не встречались! Как вы?

Процедура целования щеками и мычания повторилась.

– Машунька! Привет! А как ты?

– А я вот замуж вышла за Йорана Пальсвика.

– Уже? А я думала, это в перспективе.

– А зачем же ждать, когда клиент готов? – тихо и значительно зачревовещала Маша, не закрывая растянутый в улыбке рот и не шевеля губами.

Иностранец услышал свое имя и заулыбался в два раза шире, тоже награждая всех белозубой улыбкой красивой, запад-

ной стоматологии и кивая усиленно головой. Их улыбки были до удивления похожи, как сиамские близнецы. Маша что-то буркнула ему в ухо, и он элегантно приложился к ручкам дам. Дамы удосужились сделать книксены и представиться. Витя сделал руку лодочкой и сунул ее в ладошку Йорану, отчего пожатие получилось очень сморщенным и смешным. Алла не смогла пропустить мимо глаз такую зацепку и, мило улыбаясь, тоже выдала сквозь растянутые губы, пытаясь не обнажать свои старые зубы и подражая Маше:

– Ты его еще в губки поцелуй, которые Машку в ротик целовали, – сказала очень тихо, для Витюна.

– Фу! Какая ты пошлая! Ужас! – так же тихо и в сторону выдал он только ей, скривив для этого губы вбок.

– А что она сказала? – сделав круглые глаза, спросила Маша, все так же ележно улыбаясь.

– Кто? Я? Я вообще онемела от неожиданности твоего счастья! Поделись секретом, как тебе это удалось? – Алла наклонилась к уху Маши и лично ей сказала тихо. – Дай мне телефон твоего врача. Я тоже уже созрела. Только никому не надо разглашать. Ладно?

– Конечно, дам. Я тебе домой позвоню и все расскажу. О'кей?! – прошептала Маша и тоже на ушко.

– Вы что там шепчитесь? Не успели друг к другу пришвартоваться, и уже шепчутся. Видали? Безобразие, – жеманно стал возмущаться Витюн. – А мы не в курсе ваших тайн.

– Маша делилась опытом захомутания иностранных граж-

дан в сети русских баб. Ты-то что примазываешься? Тебе за-чем? Тебя замуж не возьмут. Ты же не баба.

Женская часть залилась смехом. Лина смеялась громче всех. Йоран вопросительно крутил головой. Он ничего не понимал.

– Я на тебя обиделся! – надув губы, выдал Витя, повернулся и ушел в толпу.

– Ну вот. Подружку с длинным женским носом невзначай обидела. Кош-мар! – делано ломая руки, изобразила мимикой очень смешную рожу Алла, в точности копируя Витю, и все опять дружно засмеялись...

Презентация

Наконец-то дверь в большой зал распахнулась, и кто-то громко пригласил всех к столу. С их места было не видно кто, но голос был очень знакомый до знаменитости. Алла и Лина стали искать места, указанные в пригласительном билете, расставшись с Машей и ее новым мужем.

Стол, за которым они оказались, был почти весь зрительно знаком. Два артиста, оба узнаваемые, один очень знаменитый политик с женой и три телевизионщика. Незнакомыми оказалась одна пара и два одиноких мужика, общавшихся друг с другом. Они производили впечатление настоящих гостей «по работе» или «делу». Все же вышеперечисленные «знаменитости» были такие же, как и они, чистые халявщики. Алла с Линой были явно подобраны для двух этих представительных мужчин, потому что оказались рядом. Две одинокие дамы и двое мужчин. Это заставляло присмотреться к ним попристальнее.

– Ну что ж, будем окучивать, раз их для нас подсунули! – шепнула Алла Лине на ухо. Лина тут же уставилась на мужиков с серьезной миной умного человека.

– А ты, если будешь молчать, как можно дольше, то есть маза сойти за умную. Поняла? – добавила она.

– А ты меня под столом ногой пинай, если меня понесет словесным поносом. Хорошо?

– Тогда у тебя к концу сегодняшнего вечера вся нога почернеет и отвалится.

– Ничего, не отвалится, я буду терпеть.

– Договорились. И сиди, пожалуйста, ровнее. Спинку держи, как графиня на званом обеде. Ровнее. Ровнее.

Вечер стал сдвигаться со старта, но пока как-то по-пластунски. На это указывало и тихое гудение в зале, которое еще не переросло в настоящий общий ресторанный гул. Зал уже расселся на отведенные места, рассматривал закуски, глотал слюнку и ждал объявления начала, которое обычно элегантно произносила, опять же, какая-нибудь экранная знаменитость из дикторов или артистов первого плана. Не успела Алла внимательно рассмотреть прищуренными от близорукости глазами восседающую за столом публику повнимательнее, как экранные знаменитости в количестве двух наконец-то выползли на сцену в артистических нарядах и торжественно приступили к началу вечера уже затасканными и всем знакомыми фразами.

– Уважаемые дамы и господа! – веско, но очень елейным голоском произнесла жеманно элегантная Дива, ставшая еще раз знаменитой по последнему фильму своего знаменитого отца про иностранную проститутку в дебрях России и очень на него похожая внешне. На ней было длинное, навороченное сверх меры дизайнером и портнихой платье.

– Леди и джентльмены! – добавил басом тоже очень знаменитый и элегантный молодящийся красавец второй све-

жести в бабочке и смокинге, ведущий артист из «Ленкома», бессменно поющий арии молодого лейтенанта царского флота времен Елизаветы.

– Начинаем наш вечер! – выдали они вместе.

Гости заплодировали. Пока дружно.

– А я этих ведущих откуда-то знаю, – выдала Лина и тут же получила ногой под столом из-за громкости и тупости.

– Заткнись ты, Христа ради! Их все знают, – прошипела ей Алла сквозь зубы. – Лучше займись своей тарелкой.

Лина занялась тарелкой и сделалась очень сосредоточенной. Когда она отвлекалась в сосредоточенность, то тут же становилась элегантной и даже красивой дамой. Оба мужика сразу же обратили на нее все свое внимание.

– Вам что налить, дамы? – приступил один из них к знакомству.

– Я пью шампанское, а моя подруга Лина пьет вино красное. А я могу за вами поухаживать, положить что-нибудь вкусненькое на тарелки.

– Будьте так любезны...

– Давайте будем знакомиться, – торжественно и громко, чтобы было слышно, изрек один из мужчин, который был поближе к Алле. – Меня зовут Владимир Михайлович, а моего друга Владимир Петрович.

– Оба Владимиры?

– Оба.

– Значит, я одного буду звать Михалыч, а второго Петро-

вич. Идет?

– Идет. Вот за это и выпьем!

Они дружно чокнулись своей четверкой и приступили к личной презентации собственных отношений. Остальное застолье дружно участвовало во всеобщем гулянии. Народ был не весь посторонний, часть, все-таки, имела отношение к юбилярам. Эта часть говорила речи, преподносила подарки и громко радовалась событию. Их радость перемежалась выступлениями артистов, как веселящих зал юмором, так и поющих модные шлягеры.

Вечер отполз от начала и стал веселее двигаться по стандартной колее. Тосты, поздравления от гостей вечера юбилярам, в лице управляющего банком и двух его замов, выступления артистов и стандартное поведение двух мужчин и двух женщин за столом при очень сильном гуле, когда слышно друг друга только с трудом.

Минут через тридцать от начала Михалыч встал и отправился на сцену с поздравлениями. Петрович двинулся следом. Перед самой сценой, как «двое из ларца» из ниоткуда вынырнули два молодых человека, «одинаковы с лица». Один был с огромным букетом, а второй с подарочной коробкой в алой ленте. В коробке угадывалась большая картина. Ее тут же подхватил Петрович. Стало понятно, кто из них главнее. Владимир Михайлович говорил что-то умное, но что, Алла слушала плохо, она рассматривала и Петровича, и его начальника, выбирая, кто ей нравится больше. Боль-

ше ей понравился Михалыч. Тогда она стала наблюдать за событиями на сцене.

На сцене речь закончилась, но начались целования Управляющего банком и его Замов с их соседями, двумя Владимирами. Причем целования явно близкие. Коробку развернули и продемонстрировали залу действительно картину, причем даже издалека было понятно, что она дорогая.

«Интересная история! – подумала Алла. – А мужики-то могут быть нужными».

Когда оба соседа вернулись за стол, события пошли своим чередом. Лина строила глазки Петровичу, явно отвечающему ей симпатией, а Алла завела разговорчики с Михалычем. В первые минуты знакомства разговоры могли быть только совсем простыми. Он это понял и тут же подхватил ее настроение, поэтому в основном темой оказались анекдоты, как самое простое средство для сближения. Анекдоты были как просто смешные, так и немножко солененькие, но пока не скабрзные и пошлые. Алла чувствовала по его и своему настрою, что скоро они начнут веселить друг друга и пошлятинкой, поползновения на более близкое сближение уже намечались. Михалыч красноречиво поглядывал ей прямо в глаза и улыбался более интимными улыбочками, нежели могут улыбаться совсем чужие друг другу люди.

– Михалыч, а вы кем в этой жизни есть? – поинтересовалась Алла.

– Я есмь самое страшное пугало!

– Как это? – удивилась Алла. Она никогда еще не слышала такого определения.

– Мы АБВГДешники, – шепнул Михалыч на ухо. – Ну что? Пугает сильно?

– Меня? Меня ничем не испугаешь! Как шутит одна моя подруга, меня даже червивым покойником не удивишь. Шкура у меня носорожья. Пуленепробиваемая.

– Наш человек! Значит, будем дружить? Идет?

– А почему нет? Идет!

– Тогда надо выпить на брудершафт и скрепить наше знакомство поцелуем дружбы.

– С удовольствием!

Алла подняла бокал, и они чокнулись.

– А мы? – возмутилась Лина. – Мы тоже хотим на брудершафт.

Лина и Петрович дружно присоединились, после чего все поцеловались друг с другом. Михайлович поцеловал Аллу так, как она и ожидала – длинным, чувственным поцелуем. Она ответила ему губами и даже почувствовала внутри себя небольшое влечение плоти, хотя где-то глубоко подумалось, что лучше бы это был Саша. Но Саша был далеко, и казался уже не правдой, а миражем. Михалыч же сидел рядом, был старше совсем на чуть-чуть и по этой жизни точно мог очень и очень пригодиться.

«Надо брать, – решила Алла. – Мужик вроде бы ничего. Наш».

«Наш мужик» после поцелуя сразу повеселел, раскрепостился и взялся толкать тосты, один за другим. Лина раскраснелась, задорно блестела глазами и щебетала с Петрови-чем очень весело и заинтересованно. Он ей явно понравился.

«Так, – подумала Алла. – Уже поймала на уши компле-мент. Это закончится в кровати. Сто процентов. Главное, чтобы ничего сильно глупого не нагородила, потому что я тоже боюсь пословицу: скажи кто твой друг... Хотя мы уже такие взрослые, что плохое о нас подумать поздно».

– Аллочка, а ты живешь одна? – поинтересовался Миха-лыч.

– А ты? – сделав глазками козу, ответила она вопросом на вопрос.

– А я как раз и один. Меня жена бросила в прошлом году. Сбежала с моим охранником.

– Ух, ты! У нас даже охранник был? Мы что же, чин боль-шой?

– А мы, между прочим, генерал!

– Вот это да! Генерала у меня еще не было! И Петрович тоже генерал?

– Петрович мой подчиненный. Он еще полковник. Моло-дежь!

– А ты вроде бы как старик?

– Ну-у-у, не старик, но и не молод, не молод! Хотя бороз-ды не испорчу, в этом будь уверена!

– А что, мы уже к вспашке готовимся? Не рано?

– Как «Матушка Земля» попросит, так и вспашем!

– Моя «Матушка Земля» давно под паром. Можно уже и попахать!

– Ну вот и тост! За трактор!

– За какой еще трактор? – влезла в разговор Лина. – Опять ты, Алюнчик, что-то затеваешь без меня?

– Припевку советскую знаешь? Трактор в поле дыр, дыр, дыр. Мы – за мир! Поэтому мы и тостуем за трактор.

– За мир между народами, ты имеешь в виду? Да? Я тоже хочу за мир! И за трактор!

– Хочешь, чтобы тебя сегодня вспахали? – засмеялся Михалыч.

– Ах, вот, что вы имели в виду! Шутники-и-и. Я сегодня тоже все хочу! А особенно, чтобы вспахали и как можно глубже!

– Тогда давай за это и выпьем. За трактор и за «все хочу»! А ты, Алла, тоже сегодня все хочешь?

– Я сегодня тоже все хочу! И глубоко и много хочу!

– Ну что ж! Будет тебе много! Договорились?

– Договорились! – Алла опять сделал глазками, и обещающе улыбнулась.

Они опять чокнулись. Михалыч тоже раскраснелся и заблестел глазами. Он был явно очень возбужден, нервно дергался на стуле и куда-то рвался. На сцене услышали его дергания и объявили танцевальный перерыв. Он тут же потащил Аллу на танец и крепко, по-хозяйски, обнял за талию, близ-

ко прижав всем телом к себе. Алла сразу же почувствовала, что застольный разговор «про трактор» оказался для Михалыча возбуждающим, он был готов «пахать» уже сейчас, уже немедленно. Алле стало неловко от ощущения, которое она почувствовала на своей ноге, но Михалыч был очень горд своей готовностью и откровенно прижимался к Алле, к ее внешности и естеству. Алла подняла на него глаза и удивилась выражению в его глазах. Они сверкали так призывно и ласково, так откровенно, как бы подтверждая ее ощущения, что она невольно подпала под его желания и стала отвечать взаимностью. Она тоже прижалась к нему плотнее всем телом и стала тихонько вращать бедрами.

– Аллючик! Ты знаешь, что такое танец?

– И что же это такое?

– Танец, это вертикальная демонстрация горизонтального желания! – в самое ухо жарко выдал Михалыч. Он весь занервничал и еще сильнее прижался к ней, хотя на уровне своей груди отстранил ее подальше и стал смотреть в глаза, не отрываясь. Потом он наклонился и ласково поцеловал Аллу в губы. Может быть, оттого, что она уже настроилась на взаимность, может быть, оттого, что понимала, Саша – это мираж, но внутри себя она почувствовала встречное желание и ответила на его поцелуй, чуть приоткрыв губы, закрыв глаза и замерев вздохом...

Танец закончился, но они стояли прижавшись друг к другу, потому что не могли разойтись и обнаружить состояние

Михалыча. Состояние могло быть заметно со стороны. Они топтались на одном месте и делали вид, что ждут следующий танец. И музыка заиграла снова, но веселенькая, забойная. Михалыч стал смешно шевелить задом, как один из всем известной троицы и самый упитанный около окурка и потихоньку отодвигаться от Аллы. Наконец он оторвался окончательно и включился в отвлекающий мотивчик. Они дружно заерзали по полу, крутя задами и изображая твист времен своей молодости. За танец Михалыч успокоился, отвлекся от возбуждающих мыслей, и после танца они могли себе позволить пройти к столу.

Не прошло и часа четыре-пять, как вечер устал от бесконечных тостов, танцев и шума публики. Он медленно стал двигаться к финалу, а часть нагулявшейся публики стала рассасываться, двигаясь к выходу. Они тоже были готовы покинуть гостеприимные стены. Михалыч стал весь какой-то вздрюченный весельем, жизнерадостно жестикулируя, он помогал доходчивости своих слов или анекдотов. Он ерзал на стуле, теребил Аллу за коленку, обнимая за талию, щекотал бочок, заглядывал в глаза призывно и радостно и вообще как-то весь суетился. Ему явно хотелось продолжения. Поднимая рюмку и громко излагая очередной тост, он так же громко и радостно продолжил, цитируя царя Ивана Грозного и артиста Яковлева, делая губами пьяную гримасу: – «Требую продолжения банкета!» – а дальше своими словами. – А не поехать ли нам в баньку? Кто готов с нами в

баню? Приглашаю!

Народ за столом дружно взвеселился, тут же радостно откликнулся и тоже выразил согласие на «продолжения банкета».

– В баню! В баню! – скандировал Петрович! – А куда поедет? К тебе?

– Ко мне на дачу поедет! Согласны? Аллочка, ты согласна? Сейчас позвоню своим оглодам и велю включить парилку. Пока мы едем, она будет готова.

Алла выпила в этот вечер так много, что мир вокруг нее казался радостным и красивым! Где-то внутри, в ее теле и душе, проснулся вечный моторчик, который звал куда-то в неизвестное, звал вперед, вслед за Михалычем! Этот моторчик торчал где-то сзади, как у Карлсона, который нырял с крыши. Он жужжал, тархтел и звал ее на обязательно шумные подвиги. Ей тоже захотелось куда-то ехать, мчаться, кричать громким голосом непременно громче всех, махать руками, петь во всю глотку похабные песни, например про Мурку с Дерибасовской или матерно-скабрезные частушки, и вообще веселиться от души...

– Согласна! Согласна! Лина, едет в гости? – весело поддержала Алла.

– Едет в гости! Все едет в гости! Немедленно! – подхватила Лина и залпом допила вино из бокала. Она была готова ехать с Аллой хоть на край света!

Сегодняшняя презентация на деле оказалась на удивле-

ние удачной. И клев был что надо, и улов... похоже, оказался на зависть всем закадычным подругам...

Крутой загул

Дача у генерала тоже оказалась что надо, такая же большая и уютная, как и сам генерал. Она была напичканная прислугой в виде нескольких молоденьких адъютантиков, парочки мужиков при погонах, набора солдат для черновой работы и поваров в колпаках, как на заправской кухне. Все были изрядно вышколены и не лезли лишний раз на глаза.

Когда разгоряченная компания желающих продолжить кайф на трех машинах подвалила на дачу и буквально вывалилась на зеленую, молодую травку, можно было доложить по начальству, что «выброс десанта состоялся» в самом прямом смысле слова. На даче все было уже готово. В большой беседке, на природе, был накрыт стол, чуть в сторонке мангал полыхал жаром углей. Он готов был принять нежное, вымоченное в соусе мясо. Стол обнажал высокопоставленные возможности «знай наших» и возбуждал заглохший было аппетит шедеврами раннего лета! По центру стола, на здоровенном, цветастом подносе фрукты изображали гору Монблан, такой же горой лежали бордовые помидоры, заваленные по сторонам контрастной, ярко-сочной, молодой зеленью, и пупырчатые огурчики, окруженные толстенькими шариками ярко красной редиски. Картину дополняли соленья, как местного, солдатского производства, так и рыночные шедевры кавказских национальностей. Шедевры сиреневели и

зеленели в отдельной таре и испускали в пространство запахи восточных пряностей. За столбиком беседки стояли два солдата с полотенцами через руку и два поварских колпака в длинных, белых передниках, из-под которых сразу же торчали кирзовые сапоги. Это было очень смешно...

После эмоционально исполненной дороги, украшенной песнями на приличной скорости из открытого окошка машины в звездное небо и в ночь, жаркими зажимонами Михалыча, который норовил прижать посильнее, на переполненном лишними гостями заднем сиденье, и невзначай запустить ругу «за борт» блузки... После поцелуев, съезжающих из-за тряски, то по правой щеке, то по левой в сторону уха... настрояние у Аллы стало зашкаливать за понятия «приличие». Уже к середине пути руки генерала прочно обосновались на завоевываемых плацдармах: одна под блузкой, где старательно мяла не очень выдающийся вперед размер, норовя зажать костяшками пальцев сосок побольнее, вторая пыталась заползти, невзирая на многократные отталкивания и вытаскивания, через расстегнутую молнию в брюках в святая святых любой женщины, производя в голове нешуточную подготовку слабого женского организма к будущему разврату...

И ему это удалось! Организм реагировал правильно! Он возбуждился...

И вот теперь, в таком возбужденном состоянии, ей, как будто специально, выставили на показ две вот эти пары кирзовых сапог из-под макси-юбки белого цвета! Подарок судь-

бы для разрядки нервно-сексуального напряжения, как ее, так и Михалыча!

– Го-о-спидя! Погляньте-ка, че делается! Нас встречают, как в «Большом тиянтире»! А где еще два лебледея? На кухне за котел зацепились? Хочу полный набор, и в танец! Лебледей! Лебледей! Дайте лебледей! – вскричала Алла и публика зашлась в хохоте.

– Будут тебе и лебляди под банным соусом и даже жареные гусаки в яблыках! Мне повар уже на ушко саабчил, – радостно, на той же волне, выдал Михалыч, неустойчиво покачиваясь в коленках.

Конечно, публика была уже так готова, так готова, что достаточно было пальца для показа, чтобы она поползла по правильно скошенному газону на четвереньках, но Алла хотела держать инициативу только в своих руках и направить публику по правильному руслу. То есть к столу! Не выпуская инициативу! Даже пьяными мозгами она это соображала.

Посудите сами. Чем можно завоевать холостого мужика на выданье, да еще и генерала, когда все данные выдали не тебе? Ноги «от ушей» торчали из под провисшего зада, не радуя ни хозяйку, ни мужской контингент своей немислимой длиннотой. Хорошо, что у Михалыча ноги были такой же длины. Фигура толкательницы ядра на дальние пространства была украшена широтой плеч как надо, почти так же, как и у представителя противоположного пола, которому пора уже было бы вымыть руки от машинных развлечений. Во-

лос на голове одинаково, да и носы очень похожи, и у него, и у нее пупочкой и курносые. Это мало что обещало, но иногда витрины ошибаются...

Хорошо бы не «нажраться в сосиску», чтобы утро не перепугало мутностью бытия и все же оставило приятные воспоминания ночи. А может быть, и очень приятные, как та ночь с Сашей...

– Народ! Я хочу развратничать и прямо сейчас! Развратничать начну с обжорства. Как ни странно, я проголодалась, а при виде такой закуски в голову приходят удивительно умные виски, а может, и водки! – выдала Алла и быстренько упрятала «красоты» своего тела за генеральский стол. Она решила работать только красноречием, не очень-то выстав-ляя «физические достоинства» на передний план. – Михалыч! Загоняй народ в стойло!

Народ понял правильно и рванул к столу.

– А баня? – округлил глаза Михалыч. – Баня ждет!

– Баня будет сразу же после поддержания наших организмов в правильно отбалансированном алкогольном угаре. А то головы разболятся.

– А шашлыки? – не унимался Михалыч. – Уже начинать жарить?

Все его вопросы были только к Алле. Она почувствовала себя главнокомандующим на плацу, и ей это очень понравилось.

– А шашлыки пойдут, как разбавляющее водку и пар блю-

до. В перерывах!

Все дружно расселись на места и тут же загалдели кто о чем.

«Неуправляемое общество веселенького народца на отдыхе, и все личности, все говорливые. Как бы их всех переговорить? Надо еще пару стопок «принять на грудь», тогда откроется лишний клапан на чердаке, и язык откупорится окончательно. Только бы не утопить всех, особенно Михалыча, в фонтане своего красноречия! Может и навредить. Надо как-то «следить за базаром». Но как?» – думала Алла затуманенными мозгами, рассматривая публику. Она еще не знала толком, кто поехал в баню от их презентационного стола ярким представителем? Обзор территории и заселяющего ее народа ей понравился. Эта публика могла поддержать ее амбиции, взбитые, как сливки для торта «Наполеон», дружным ржанием.

– Давайте выпьем за то, чтобы у нашего Михалыча по жизни хватало всего, не только бамбарбии, но и прочего киргуду! – Алла подняла рюмку, которая оказалась как-то быстренько наполненной, высоко над столом.

– Ура-а-а! Урр-а-а! – подхватила Лина. – За генерала!

– Чтоб тебе, Михалыч, еще одну бамбарбию на погоны и киргуду никогда не подводило! – Петрович встал над столом и стал чокаться со всеми, начиная с Михалыча.

– Тьфу, тьфу, тьфу, пока не подводило. Сы-пасибо! – Михалыч чокнулся в зоне дотягиваемости, наклонился и смач-

но поцеловал Аллу в губы.

Демонстрация поцелуя ей очень понравилась.

– Ты поцеловал меня от всей широты русской души? Это мне понравилось! – сказала Алла, глядя генералу прямо в глаза. – Хотя про русскую душу лучше сегодня не говорить, а то она так развернется, так развернется, что хрен ее завернешь обратно! Особенно мою!

– Это же отлично! Давай ее развернем! – обрадованно подхватил Михалыч.

– А ты потом не ошизеешь?

– А это страшно?

– А вдруг кровь твоя начнет бродить от избытка моих дрожжей?

– Она так давно не бродила, что я буду только рад!

– Главное, чтобы твоя кровь забродила, потом бродила, бродила, но не перебродила!

– Главное, чтобы моя не пробрела мимо твоей! Не забрела в какие-нибудь глухие дебри!

– Ты боишься, что в этих глухих дебрях твои желания могут пробрести мимо и не опереться на мои возможности и мечты?

– Я постараюсь не промазать и опереться на твои мечты всем своим телом.

– А вот в этом месте, чтобы опора была устойчивее, меня надо поцеловать, чтобы я почувствовала глубину опоры!

– Глядя глаза в глаза! – он притянул Аллу к себе и поце-

ловал очень ласковым, чувственным поцелуем, не закрывая глаз. Именно глаза в глаза. Она тоже смотрела в его глаза, не отрывая взора. Это было очень приятно, потому что откликалось изнутри призывами к более тесному сближению. Можно было даже прямо сейчас. Прямо сразу...

– В чувствах, даже только пытающихся проснуться, главное глубина глаз... и души! – тихо и очень выпукло прошептала Алла, сделав томные глаза.

– Моя душа сейчас танцует!

– Вальс-бостон?

– И на цыпочках!

– Цыпочки наши! Красотулечки! Оторвитесь друг от друга! Вокруг есть еще разные заинтересованные в вашем общении люди, – громко влез в их нежно-интимное щебетание вполголоса Петрович.

– Вот именно! Мы ждем твоих обалденных шуток, Аллочка! Она у нас очень большой мастер на разные приколы, – громко прорекламовала Лина.

– Ждем, ждем, ждем шуток! – тут же стал скандировать стол.

– Надейтесь, надейтесь! Надежды, они должны всегда брызжать спереди! Вот мои надежды всегда брызжут и брызжут, брызжут и брызжут, но чаще всего прямо в глаз!

– Вот! Вот! Сейчас она нам выдаст! – громко комментировала Лина.

– Вы хотите, чтобы мои шутки расплескались по про-

странству, и вы в них утопли?

– Очень хотим! – подхватил генерал.

– У меня очень развито чувство справедливости и совершенно отсутствует сдерживающий фактор. Это снимает с моего сознания любые тормоза, и я напрямую выкладываю все, что думаю. Даже мелькающую в голове муру! Мне лишний раз открывать рот противопоказано, потому что, как только я его открываю, оттуда сразу же и бесконтрольно начинают выскакивать ненужные и нехорошие слова! Берегитесь!

– А нам не страшно! – вступил в разговор, примкнувший к «великой кучке», известный актер. – Мы люди закаленные творческой средой обитания.

– Ну, тогда держитесь! Я могу, как собственной белибердой населить окружающее пространства, так и цитировать глупости «Великих»! Будет вам и Як Цидрак Цидроне и его жена Лимпопоне!

– Давай Лимпопоне! – проскандировал Петрович.

– Ладно! Попотчuem тусовщиков юмором.

– Попотчуй, попотчуй! – подхватил стол.

– Тогда для начала поднимем тост. Жили-были муж и жена, и не было у них детей. Ващце. Пошла жена к колдуну и стала просить наколдовать ей ребеночка. Колдун и наколдовал. Прошло девять месяцев, и родился у жены мальчик, а у мальчика оказался золотой пупочек. Плачет муж, плачет жена...

– Надо было к колдунье идти, а не к колдуну! – вставил актер. – Неправильно он что-то сделал! Не так ввел заговор!

Стол покатился со смеху.

– Или не туда, вы хотите сказать? – откликнулась Алла.

– А может, и не туда? Потому и пупочек.

– Колдун, что, оказался гомиком!? – подхватил кто-то из гостей.

– Он был не гомиком, а извращенцем! Извратил ситуацию до пупочка, – выдал еще кто-то. – Ну и что там было дальше с пупочком?

– А дальше пошла жена к колдуну опять...

– За второй порцией... – добавил Михалыч.

– Наверное, понравился ей извращенец! Он, все-таки, вставлял заговор как надо!

Стол уже рыдал от хохота...

– Пришла она к колдуну... – стол стал качаться волнами, заходясь в смехе, – а колдун и говорит ей...

– Ложись! Будим заговор вставлять! – генерал рыдал, утирая скупую мужскую слезу. Алла пропустила шуточки и с очень серьезной миной продолжила:

– Пройдет восемнадцать лет, вырастет твой сынок...

– Наш сынок... – дополнили от стола...

– И спросит у тебя про золотой пупочек... А ты ему и скажи... – продолжала Алла очень серьезно.

– Что у меня есть сестра колдунья... Ты пойдешь к ней и ей заговор так вставишь, так вставишь, что вопрос с пупоч-

ком решится сразу же... – не унимался актер.

– А ты ему скажи: пойди мой сын за тридевять земель, в тридесятое царство, найди там высокую гору, на той горе будет расти высокий дуб, в том дубе будет здоровое дупло, в том дупле...

– Колдуньи живут по кличке дуплерши... – с хохотом выдал кто-то.

– Его на всех не хватит, – подхватил Петрович.

– В восемнадцать лет еще хватит, – со знанием дела изрек актер.

– А в том дупле будет лежать большое яйцо, разобьешь яйцо, там и найдешь ответ на загадку... – Алла сделал паузу, чтобы все успокоились для финала тоста, повысила голос и продолжила. – Прошло восемнадцать лет. Рассказала ему мать про дупло, и отправился сын в чужую страну...

– Нашел он яйцо-то? – поинтересовался кто-то.

– Главное, чтобы дупло нашел! – хохотал стол.

– Вся суть в дупле, что ли? – спросил актер.

– Суть в подъезде. Это все знают, – подытожил Петрович, – а нас сегодня яйца волнуют! И свои и чужие...

– Не волнуйся! Яйцо он нашел. Нашел он яйцо, разбил его, а там оказался золотой ключик. Вставил он золотой ключик...

– Он что, онанист? – спросила молодящаяся «красавица», которая цеплялась за артиста еще на презентации.

– Да он в пупочек вставил! – поправил Петрович.

Стол хохотал во всю моченьку.

– Тогда вставил он золотой ключик, в свой золотой пупочек, повернул его... и... задница у него отвалилась... – Алла сделал глазами «большое человеческое горе» и сокрушенно поджала губы.

– Фу! Слава богу! Не передница... А то я уже испугался за передницу... – вытер воображаемый пот Михалыч и сбросил его на пол.

– Михалыч! Ты мне в глаз попал! – деланно возмутился Петрович.

– Ключиком?! – спросил генерал специальным пьяным голосом...

– Пупочком! – с гомерическим хохотом поправил Петрович таким же голосом и с той же интонацией. – Слава Богу, не прибил. Золото оно тяжелое. Давайте выпьем за то, что пупочек мимо пролетел, а приключения только начинались!

– Жалко золотишка. Михалыч, ты не целкий! Был бы целкий, попал бы куда надо, – вступил в дебаты, покатываясь со смеху, актер.

– Куда надо я всегда попадаю, не переживайте! – Михалыч поднял руку и успокаивающим жестом подтвердил свою решимость.

– Уррра-а-а! За задницу!.. – подскочила «тепленькая» Лина покачиваясь и проливая вино из бокала на землю и на стол.

– Тебе понравилась, что она отвалилась?

– Нет! У меня до... до... дополнение... Чтобы наши задницы никогда не отваливались от своего законного места, сзади!

– И чтобы никогда не были спереди, а то ходить будет неудобно, – прозвучало со стола.

– Ходить-то ладно! А вот другое делать?! – добавила Алла. – Но зато этим самым гомикам как удобно! Вся радость спереди!

Хохотали долго, потом чокались, а когда выпили и немного утомонились, Михалыч громко поинтересовался:

– Ну и что будем делать с баней?

К бане теперь были готовы все, тост раскрепостил стол и объединил к веселью.

– Объявляется вторая серия разврата: баня! – подхватила Алла.

Разврат...

Голый человек, в цивилизованных обществах называемый обнаженным, очень занимательное зрелище. Все-таки, хорошо, что люди изобрели одежду. Одежда выявляет ранги и принадлежность к финансам. Как сказал Вуди Аллен, «богатство отличается от бедности лишь с финансовой точки зрения».

А когда человек гол как сокол, то только личные качества генных поколений предстают перед нашим взором, выставляя напоказ все, что накопили деды и прадеды хорошего и плохого. И оказывается, что твой очаровательный сосед через стол, да еще и известный артист, одетый в великолепную белую тройку и при бабочке, элегантно смотрящийся в танце и за столом, в бане удивляет цыплячьей шеей, узенькими плечиками, брюшком, торчащим из худосочной, длинной фигуры, тоненькими ножками и непомерно большой, лысаватой башкой, облепленной небольшим и мокрым волосатым покровом. Глаза у него, покрасневшие от алкоголя, как у больного зубом, вылезают на лоб, под глазами мешки для денег, нос синий, а губы съелись жизнью до состояния щели. И так его становится жалко, хоть плачь. Как же он, бедненький, жить по жизни будет? Ведь шейка может сломаться, ножки подкоситься, и тукнется он перевешивающей головой прямо об плиточный пол бани темечком и помрет,

несчастный!

Или великосветская дама! Выходит она из парилки, без парика, без «штукатурки», без брюликов, без ресниц, но, слава Богу, с зубами, зубы стоматологи научились накрепко прикручивать к челюсти за многие века, и что из себя представляет? Ужас! Тьма египетская опять спустилась неожиданно! Нос у нее еще синее, щеки все в прожилках, провисли брылями по сторонам лица, лоб в гармошку, мешки отвисли не только для мужниных денег, но и для неприятностей от того же мужа, «нежная шейка» не менее цыплячья и вся в складочку. Спереди трудовой мозоль за все прожитые годы и не всегда состоявшихся детей и так же бережно хранящий сочнакопления. Сзади вместо талии три или четыре глубокие поперечно-боковые складки, ярко подчеркивающие «девичью» талию. Ножки все в венах, да еще и держат данное нагое тело очень неустойчиво, пытаюсь облокотиться на собственное представление о себе в зеркале при параде или попробовать открыть насильно в себе самой второе дыхание, «надеть корсет», к которому призывает Мирзакарим Нурбеков, чтобы не было мучительно стыдно...

Лучше не рассматривать ни себя, чтобы не испортить себе же настроение, ни окружающих... хотя есть и оправдание: именно представители богемы чаще всего физически немощные люди, к сожалению...

Про себя Алла старалась не думать. У нее после пятидесяти тоже были попытки открыть в себе второе дыхание,

правда если оно и открывалось, то было с одышкой и хрипами, которые тоже очень мало радовали, поэтому сегодня главное, нужно было замотаться в простынь поосновательнее и не выставлять свои тела на всеобщее обозрение. Что она и делала, но рассматривала окружающих с превеликим удовольствием. Она тешила себя тем, что не одна она такая «красавица», что вокруг нее по банному пространству передвигают конечности такие же шедевры человеческой породы...

Конечно, если бы среди гостей затесалась хотя бы одна приличная молодая особь с молодой плотью, было бы с кем сравнивать и рассматривать, но, слава Богу, эталона на сегодня не оказалось...

Алла уже давно подозревала, что человечество действительно завернуло не туда, не в тот коридор Истории. Что-то там, наверху дало сбой, и человечество пошло по неправильному пути. Вместо того, чтобы делать естественный отбор и селекционировать все самое прекрасное и нужное от всех предков, которые длинной вереницей стоят за твоей спиной, опираясь на древнюю истину, что ты изначально создан по «образу и подобию Божьему», человечество имеет среди своих представителей и косых, и хромых, и горбатых, и убогих... Что это, если не сбой в программе? Заложили в программу красоту в самом начале, а получили через тьму веков и пузо, вместо животика, и сиськи, вместо упругой груди, и чурку, вместо прекрасной фигуры. Чурку, подпертую

снизу никакими не прекрасными ножками, воспетыми всеми пиитами и поэтами всех эпох, а подпорками, украшенными синюшными венами и целлюлитом, мелкими брызгами красных прожилок, коленками, распухшими от подагры и солей, а под коленками костями, криво облепленными жгутами мышц, и обтянутыми желтой кожей...

Кошмар!

А живем сколько? Где тысячу, где пятьсот лет, где, хотя бы, триста лет, которые жили библейские предки? Если бы нам, по образу и подобию отпущено было тысячу, то к пятидесяти мы бы не представляли из себя полный, старческий ужас. Вот такие невеселые мысли толкались и сегодня, как пауки в банке, в Аллиной голове, пока она заматывалась в простыню перед зеркалом, очередной раз критически рассматривая «идеальные» фигуры остальных...

Неутешительные мысли...

Генерал в плавках производил неожиданно приятное впечатление на общем фоне. Как ни странно, тело у него было не дряблое, а нежно-розовое, как у младенца, или молочного поросеночка, особенно после парилки. Ноги внушали уважение своей устойчивостью, руки были цепко-крепкими и в меру жилистыми, тело украшала растительность, но именно там где ей нравилось. Немного на груди, чуть на руках ниже локтя и на ногах столько, сколько не противно. В общем – крепкое, накаченное, откормленное отличным, первосортным кормом тело, и даже холеное.

«Вот что значит военный! – подумала Алла. – Наверное, на всяких тренажерах по утрам накачивается. Это хорошо. Значит, здоровый должен быть и не должен подвести в нужную минуту... Должен доставить настоящее наслаждение...»

Тренажеры и правда заселяли отдельную комнату, причем в полном рекламируемом всеми программами телевидения составе. До чего же мужики любят изображать свое пристрастие к показательным телесным упражнениям! Почти вся мужская половина тут же занялась качанием торсов, подниманием тяжестей, как руками, так и ногами, и прочими велосипедно-гимнастическими упражнениями, пока женская половина побежала в парилку. Генерал выступал тренером и гидом в одном лице.

Парилка вместила десять человек не занятых тренажерами. Восемь женщин и два худосочника, которые не пошли по предложенному пути, не пытались трясти несуществующими бицепсами, трицепсами, не стали фальшивить, чтобы набить себе цену. Они просто пошли в парилку.

О чем может говорить в парилке одурманенное алкоголем и разомлевшее от жары сообщество? Конечно же, о мужиках, бабах и сексе. При этом говорить об интересном предмете, не особенно разделяя пол. Просто травить соленые анекдоты, как про слабый, так и про сильный. Алла старалась и здесь не упустить пальму первенства. Рассуждая о привлекательных и умных женщинах, раскрепостилась окончательно, помогая себе мимикой лица. Уже на самом выходе из парил-

ки, когда компания взопрела до выкипания пота из организма, секс зазвучал особенно сильно. Женщины приставали к мужчинам, на предмет: а какая поза лучше. Наш худосочный артист очень удивил всех неожиданным признанием:

– Я точно знаю не что люблю я, а что любят женщины. Они любят скорость! Я когда это понял, стал делать так: хватаюсь за спинку кровати, кричу – поехали-и-и – и делаю быстро, быстро, как кролик! – Артист сопровождал слова телесным сопровождением. – Поэтому меня женщины любят!

Это было очень смешно. Веселая компашка грохнулась с полка и с хохотом выкатилась из парилки под последнюю, мудрую фразу Аллы:

– Вот, а я что говорю. По-кроличьи можно с любой, но не с красивой. На красивую хочется смотреть сверху и смаковать действие. Поэтому нельзя быть очень привлекательной женщиной, это сильно отвлекает мужчин от поставленной ему цели...

Компания стала бухаться с разбегу в бассейн, с визгом и криками, прямо в простынях, остальные любители физических упражнений не смогли устоять, отцепились бицепсами от тренажеров и друженько подтянулись на зазывные вопли. Настала их очередь париться и млеть от удовольствия...

Пока овальный генеральский бассейн вскипал водой и телами, обслуживающий персонал снял кирзовые сапоги, нарядился в шлепанцы и бесшумно накрыл стол в большой

комнате отдыха. О том, что такая комната есть, гости узнали только тогда, когда розовощекий, в капельках воды и пота, пышущий удовольствием и возможностью еще раз похвастаться, Михалыч, торжественно открыл большие дубовые двери в очередную комнату. Стол в форме дырявой с одной стороны буквы «О» или лучше «С», опять радовал глаз красотами лета и был первозданной свежей аккуратности.

Все дружно бросились за добавкой. Общий галдеж стоял такой, что блистать ораторским искусством было бессмысленно. Алла занялась Михалычем и занялась плотно. Они шутили друг с другом, подтрунивали, подкалывали, чокались, пили, пересыпая тосты поцелуями, и когда Михалыч отправился в укромный уголок, Алла вдруг обнаружила, что пошел он так неустойчиво, что мог, если бы не цеплялся за стену руками, запросто завалиться за какую-нибудь мебель. Алла решила ему помочь, но это оказалось осуществить сложнее, чем она думала. Пока она целилась в фигуру генерала, фигура скрылась за поворотом, а сам поворот наехал вдруг прямо на Аллу, и она действительно завалилась за мебель. Ее приняла в свои объятия спинка дивана и, сделав апперкот, уронила прямо на пол в пыль за свои «просторы». Там она и барахталась молча, пытаясь не привлекать всеобщего внимания, пока генерал не вернулся из-за поворота. Он тут же бросился на помощь, но Аллу так основательно зажало спинкой, что пришлось привлекать гостей и отодвигать диван вручную. Когда его отодвинули несколько

человек, толкаясь и сопя, из-за дивана показалось Аллино тело с паутиной на голове, на четвереньках, с голыми сиськами и задом. Простыня тащилась следом. Гости захохотали в голос. Им очень понравился Алин видочек.

– Я тоже хочу с голыми сиськами! – завопила Лина и отбросила простыню.

Народ подхватил, заулюлюкал и стал бросаться простынями друг в друга. Алла села на полу и стала сосредотачиваться. Нужно было что-то изречь. Все явно ждали, потому что простыни оказались сваленными в углу, а сам народ, разинув рот, ждал увеселительных словечек.

– Я только собралась осуществить благородный поступок и поддержать генеральское тело слабой женской рукой, как на меня из-за угла выскочила драматургия жизни, уронила меня за диван и все испортила! Безобразие! Не дадим драматургии испортить нам настроение! Урррр-а-а-а! – выдала Алла первое, что пришло на ум, и попыталась встать, но стол и народ вокруг него покачивался и плавал в глазах.

Она постаралась навести резкость, но резкость почему-то не наводилась. Тогда она перевернулась на четвереньки и стала раскачиваться на вытянутых ногах и руках, чтобы оторваться от пола. С пятой попытки ей это удалось, но тут из-за угла опять нарисовался генерал. Под общий шумок его носило за свежей простыней. Широко растянув простынь на руках и раскинув их от радости, что увидел нагое и желанное женское тело, он пошел на Аллу, неустойчиво приседая на

ногах и еще больше ломаясь в коленках. Он норовил укрыть ее в своих объятьях, облапать своими лапищами и пригубить своими губищами. Его распростертые объятья грозили перекрыть кислород при сближении тел намертво, и Алла попыталась увернуться.

От такой неожиданности генерал уронил простыню, но не промазал. Он четко вписался обеими руками прямо в Аллины груди и только собрался попасть губами в губы, для чего выдвинул свои трубочкой вперед, как тут их постигла общая неудача – Аллин уворот нарушил для них устойчивость в ногах, они грохнулись на пол под гомерический хохот всего зала и развалились в разные стороны, раскинув руки и ноги. Через смех Алла вдруг поняла, что лежит ногами к публике, как знаменитый «витрувианский человек» Леонардо да Винчи, а трусиков на ней нет. Это еще больше развеселило ее, и все человеческие условности, включая собственные тела, стали вдруг по барабану...

И тут ее понесло «по кочкам»!

Она повторила процедуру «подъем героини» с пола, генерала поднял Петрович и они, взявшись для устойчивости под руку, проследовали к столу. Стол обнажился весь и был этому безумно рад.

– Михалыч как увидел меня глазами, так и обалдел! Я знаю, что все мужики любят глазами, поэтому сгоняй его вначале к окулисту, а потом можешь охмурять! Но Михалыч, наверное, давно не был у окулиста, поэтому глазки подвели

малеха, а вот ручки нет! Да, Михалыч? – перевела Алла свою увертку на генерала.

– Да-а-а! Я же давно говорил, что целкий!

– А вот в ножках хлипкий. Да? Рыбка моя?

– Это меня так повело от твоей неопишуемой красоты!

– Михалыч! Не-е-е... Неправильно. Тебя поразило обнаженное тело в паутине вуали! Народ! За мной! Надо смыть с моего тела эту паутину! Генерал! Вы распустили свою прислугу! За диваном пылищи! Фу!

– А ты откуда знаешь? – удивился Михалыч и уставился пьяным глазом на Аллу, сморщив лоб и сдвинув рот набок. Он пытался сделать вид, что дивана не было...

– А я батистовым платочком проверила чистоту казармы, пока ты там пугал пространство химической атакой.

– Хозяйственная ты моя! Надо тебя назначить старшей по казарме.

– По твоей?

– А то по чьей же?!

– А можно я буду работать в ней по совместительству.

– А это как?

– А между моими гастролями. Буду совершать неожиданный налет на твою казарму с о-очень далеко идущими и больши-и-и-ми последствиями.

– Главное, чтобы они зашли не дальше моей спальни!

– А у тебя там конец казармы?

– У меня там всему конец.

– А когда мы пойдем посмотреть твой конец... казармы?

– А мы его сейчас помоем хорошенько, чтобы чистенький был, и поведем показывать. – Михалыч хихикнул, развернул Аллу прямо у стола на сто восемьдесят градусов и повел прямо в парилку, правда, почему-то дугой, задев при этом за угол. Гостям он помахал призывно рукой над своей головой и сам себе вдогонку. Все шумной ватагой повскакивали с мест и рванули следом. Первые успевшие набили полную парилку и расселись на полки. Жара в парилке стояла приличная, но Алла уже не очень понимала, сколько было градусов, потому что у нее внутри было явно больше. Градусы рвались наружу и звали на передний край. А передний край был ее язычок. Тем более, что народ-то ждал всегда!

– Надо отмыть паутину с моего тела и моей души. Рекомендую всем. Пригодится ночью. Чистое тело благоухает и зовет...

– Про тело понятно, а что на душу тоже намоталось? – спросил кто-то.

– На душу каждый день наматывается. Периодически душу надо вымывать глыбо-о-кими откровениями, а потом высушивать теплыми отношениями. Насухо! Но с подружкой или близким другом. Поэтому нужно выбрать на сегодняшнюю ночь девичью грудь побольше или мужское плечо крепче и донести свое откровение. Рекомендую.

– А ка-а-ак его донести до девичьей груди, когда оно так и пытается расплескаться? – поинтересовался наш артист,

пьяно выговаривая слова.

– А ты его рукой зажми, может, тогда оно не расплескается... по всему пространству? Только по ограниченному... унитазом...

Все дружно захохотали.

– Да я зажима-а-а-ю, а оно рвется наружу.

– Та-а-а-ак! Сро-о-о-чно выпускаем артиста в пространство пошире, а то он наше сейчас «облагоро-о-о-дит» витаминными добавками своего организма, – подхватила Алла, тоже выговаривая слова совсем пьяно, а Михалыч с силой подтолкнул несчастного к выходу. Он сделал это во время, потому что артист тут же «облагородил» пространство за дверью парилки, но в бассейн, слава Богу не попал. Что там было дальше, они не увидели, дверь закрылась.

– Кажется, он попотчевал гостей, как надо? – рассмеялась Алла, и тут же поймала себя на мысли, что в голове у нее все плавает в вине и шампанском, что слова цепляются за язык, и что у нее сейчас тоже может произойти подобная канитель, если она немедленно не выйдет вон отсюда. В парилке ее развезло прилично. Лучше надо было сидеть в бассейне, мелькнула запоздалая мысль. – Я уже в воду! В воду! Кто со мной? – призывно помахала она сразу двумя руками и скатилась с верхней полки, чуть не упав на пол. Ей было нехорошо, а где у Михалыча туалет, она не помнила.

– Твою глубокую мысль уже давно надо было высказать! Вот актер чуть, чуть передержал свою мысль в мозгах и уже

охрнительная история получилась, – вставил Петрович.

По паркету около бассейна задом на них надвигался солдатик с половой тряпкой. Он убирал «красоты русской земли» из артистических закровов.

– Я давно-о-о знаю, что актер всегда говорит чужими словами, но что он и пугает чужим закусоном, я не знала! Та-ку-у-у-ю хорошую закуску перевел! – сокрушалась Алла громко, стараясь шутками отвлечь свой собственный организм и не последовать следом за примером. Она старательно обошла солдатика, пытаясь идти ровно. Она пошла по самой кромке бассейна, покачиваясь и держа баланс, когда сбоку налетела Лина и с визгом столкнула ее прямо в воду. Народ тут же подхватил шутку и стал толкать друг друга и посыпал с визгом следом. Брызги стояли со всех сторон, когда она вынырнула на поверхность. Было не глубоко, до груди. От прохладной воды внутри все как-то быстро успокоилось. Алле стало ужасно весело и смешно, она рассмеялась от всей души и вдруг оказалась в объятьях генерала, который выскочил из воды, как пробка из взболтанного шампанского прямо около ее груди, даже задев оба соска, но зацепившись руками за талию. Он обхватил ее руками и крепко прижал к себе. Он тоже смеялся. Струйки воды стекали с носа и затекали прямо в рот, от чего Михалыч стал плевать прямо ей в лицо, как кит полосатик. Это было еще смешнее. Они оба стали хохотать на весь бассейн, в лицо друг другу, захлебываясь и водой, и своими собственными слезами от этого хохота...

Потом была еще одна парилка, еще один бассейн, застолье, шутки, анекдоты, подколы и коллективное пение. Петь она была не мастерица, медведь в детстве помешал принять в душу русскую да и любую другую песню. Тогда Алла побрела искать спальню...

С этого момента память делала зигзаг, а попросту провал...

Михалыч храпел так громко и прямо на ухо, что Алла спросонья не сразу поняла, где находится? Одна волосатая рука пережала ей горло, навалившись именно на «адамово яблоко». У женщин его не видать, но сейчас она очень откровенно почувствовала его. Может быть, именно от этого она и проснулась. Вторая рука покоилась на груди и тоже мешала дышать. На животе красовалась коленка, а вторая нога перегородила путь к свободе ниже ее коленки. Михалыч похозяйски навалил свое тело прямо на ее тело и чувствовал себя прекрасно! А храпел! Как он храпел!

Алла давно жила одна и мужской храп прямо на ухо, прямо с утра, да еще и на больную голову – это было слишком! Она стала освобождать себя из плена. Самое первое – сняла руку с горла и сразу вздохнула полной грудью, потом аккуратно переложила его массивную и от этого очень тяжелую руку со своего живота, на кровать, а уже потом выбиралась из хитросплетения ног...

Дверь в спальню была закрыта, а ее интересовал туалет. «Херши» требовало свободы и отлива. Алла пошла в развед-

ку. Одна из дверей открыла тайну и выдала ванную комнату, обрадовав красивым, нежно сиреневым унитазом. Алла сидела на нем, как на троне и рассматривала интерьер и этой комнаты, и спальни через открытую дверь. Генерал был явно не бедненький, да и вкус у его бывшей жены был что надо! И ванная комната, и спальня были обставлены очень красиво и даже изысканно. Все выдержано в приятных, нежно сиреневых тонах, с добавкой немного зелени в абстрактном, травянистом рисунке тонких штор, немного охры в плитке на стенах ванной и на обоях в спальне, чуть золота в отделочных кантиках на высоте метра от пола и в спальне, и в ванной тоже. Хотя там были и обои, а в ванной плитка, но рисунок был подобран один и тот же. Это было очень красиво, не так, как в ее маленькой хрущобе однокомнатного варианта.

Алла стала искать свою одежду, но в спальне были только их голые тела и больше ничего. Нужно было что-то на себя нацепить. В ванной на крючке висел большой махровый халат, но только один. Алла укуталась в него с головой, потому что он был очень большой и длинный. Запахнувшись как можно плотнее, она вышла в коридор и потащила халат за собой, как шлейф у платья. Что было вчера, она помнила, но не совсем четко, не до конца... Точнее, помнила смутно. Все сливалось в бесконечный хохот, гвалт, еду, питье, поцелуйки, бассейн, баню и все... А что было дальше? Было у нее что-то с генералом или нет? Это было неизвестно. Если взять за отправную точку общую кровать, то что-то должно было

быть, но внутри ее организма не было никаких ощущений. Сидя на унитазе в ванной комнате она ничего не чувствовала. А может, она пользовалась ванной комнатой ночью? Может быть, может быть, но это тоже была тайна покрытая мраком...

В коридоре оказалось четыре двери. За одной из них была еще одна общая ванная комната с унитазом, но нежно голубого цвета. За второй дверью в спальне белого цвета, со всякими художественно-позолоченными выкрутасами и с такими же прочными, как и в спальне генерала, шторами, только молочно-кофейного цвета спала какая-то пара, издалека плохо просматриваемая. За третьей дверью на кровати сидела Лина и тупо смотрела в пространство. Видочек у нее был жуткий! Помятый и размазанный. Алла окинула взглядом и эту спальню. Она была вся под дуб. Массивная и крепкая. Даже шторы и обои были выдержаны в классических бежевых тонах. Шторы были толстыми и тоже массивными, набивными, с ламбрекенами и кистями. Красиво. Генеральский дом ей очень нравился.

– Лина! Привет. Ты что тут одна сидишь?

– Петровича жду, – очень медленно и через силу сказала Лина. – Он пошел за шампанским.

– А ты что так сидишь, как мертвая?

– Я боюсь головой пошевелить, а то отвалится.

– А повернуть ее ты можешь?

– Не-а.

– Тогда так скажи. Ты про вчера чего помнишь?

– А что ты хочешь спросить? – все так же, не поворачивая головы, спросила Лина.

– У меня с генералом чего было или как?

– Этого я не знаю, но из спальни ты кричала на весь коридор!

– Ну и крикливая же я по этому делу! Значит, было.

– Наверное, было, потому что ты долго кричала. А Петрович тебя мне в пример приводил, поэтому я и помню.

– Да-а-а-а! Стыдоба-а-а-а!

– А что стыдоба? Зато вчера как хорошо было!

– Вчера-то хорошо, а вот сегодня...

– А сегодня пройдет и будет завтра...

– Все-таки ты умнеешь прямо на глазах.

– Давай опохмелимся и поедем домой. Мой организм хочет спать и не менее суток...

– Да мой тоже не может отказаться от такой сладкой перспективы...

Ростов-на-Дону

Банная эпопея была позавчера, а уже сегодня Алла летела в самолете на гастроли в Ростов на Дону. Отлежаться после бани ей не дали. Не успела перешагнуть порог собственной квартиры, как злой телефон накинулся, что было мочи и заорал разными голосами. Звонили все кому не лень. Подружки, знакомые, ребята из коллектива. Но тут позвонили еще и из «Росконцерта» и предложили неожиданные гастроли в Ростов на Дону, а потом и в Севастополь. Туда планировался другой коллектив, но произошло ЧП, у кого-то кто-то помер и коллектив застревал в Москве на какое-то время. Нужна была равнозначная замена, вот и предложили их коллектив, как не самый плохой. Ну и кто бы отказался, когда все коллективы сидели без работы в связи с громким словом Перестройка?

В самолете Алла всегда садилась в кресло в самом конце салона, если там были пустые места. Там она думала и дремала. Почему-то под монотонный гул самолета думалось лучше всего, периодически погружаясь в дрему. Сегодня она тоже думала. Думала про Сашу, как мелькнувшую по горизонту ее жизни комету, про генерала, удивительного человека вдруг возникшего ниоткуда. Генерал ей нравился по-настоящему. Он был какой-то надежный и действительно настоящий. Правда, она по сегодняшний день не могла разо-

браться внутри себя, было у нее что-то с генералом или нет? Он вел себя так, как будто было все! Она не стала его в этом разубеждать, так же как и себя. Если он хотел, чтобы было, пускай так и будет. Но у женщины всегда было внутренне чувство, которое точно сообщало ей, что же было. Ниточка какая-то протягивалась, что ли? Или биополя завязывались узелочком на память, или где-то глубоко внутри тебя появлялось ощущение, что этот человек тебе уже не чужой. А вот этого у нее с генералом и не произошло. Не было такого чувства. С Сашкой было, а с генералом не было.

Уже три дня, как генерал появился в поле ее зрения и не собирался оттуда исчезать. Он звонил каждый час, смешил ее по телефону всякими вольностями и затягивал в кровать. Но в кровать-то у них и не получалось. То телефонная белиберда с утра и до вечера, то теперь вот эта гастрольная поездка на целых две недели...

В коллективе тоже отношения были не совсем понятные. С одной стороны, ребята нормальные, почти все, кроме барабанщика Петруччио, а с другой – они какие-то странные. Ведут себя, как бабы. В коллективе сплетни захлестнули все мыслимые и немыслимые горизонты, а главным болтуном выступал все тот же барабанщик. Славке Берзину он завидовал что ли? А все остальные слушали, повторяли и тоже завидовали? Или злились на него? Непонятно. Но сами же его распустили, все позволяли, чего же теперь злиться? Мо-да у них в коллективе странная. Вечером Славка обходил все

номера своих музыкантов и рассматривал женский контингент, заводимый в номера на ночь. Та, которая понравилась, выбиралась сразу же. Он тут же отсылал своего же музыканта погулять по улице, даже не удосужившись увести дамочку к себе.

Конечно же, это хамство полнейшее, но они же сами позволили такое хамство возвести в постоянку? Сами. Ну и что теперь обижаться? На кого? На самих себя? А потом ходят по номерам и Славке кости моют. И так привыкли мыть, что теперь и друг другу моют. И ей тоже, наверное, моют. Интересно, что они про нее говорят? Наверное, говорят, что страшная и старая. Это точно. А что еще они могут говорить? Она на них не злилась. Что можно взять с советского артиста, у которого жизнь и так шибко неказиста. А ничего. Они же слабые мужики, только и всего. Они же не бабы. В постсоветской действительности сильными оказались только бабы. Значит, нужно простить слабому полу, мужикам, и их глупость, и бабью любовь к сплетням. Нужно просто прикалываться внутри себя на этих никчемных и непотребных мужиков. Слабый пол...

Может, правда попробовать Славку в кровать затащить? Может, он тогда не будет на нее бросаться, как макака на банановое дерево. Не будет придирааться по любому поводу и ругаться из-за каждой зацепки, как продавщица времен застоя. Хотя, с другой стороны, можно действительно какую-нибудь заразу поймать. Но не может же Славка не со-

блюдать элементарные правила гигиены? Должен быть чистый. Так ей, по крайней мере, казалось...

В аэропорту их встречал местный администратор Володя. Нормальный администратор, только какой-то нудный и скучный человек. Каких сейчас только не повылезало из непонятно каких закровов, вот раньше были администраторы, так администраторы! Не чета сегодняшним.

Пока грузились в автобус, Володя ходил сзади за ее спиной и все нудил и нудил, пока не достал до печенок. Она смотрела на Володю, смотрела, а потом решила его немножко подрессировать. А что? Если мы не расскажем про наших корифеев, не потыкаем носом молодежь, то кто же еще уму разуму научит? Это решение требовало участия всего коллектива, поэтому она взялась подбадривать и Володю, и ребят, вызывая на общий разговор.

– Володенька! Что вы такой ску-у-у-чный, как водопроводная труба. Льете воду в одну сторону, на сток. А надо жить как-то веселее. И себя за штаны в светлое будущее и нам настроение поднимать. Артисты люди особенно ранимые. Надо к артисту относиться хорошо! Встречать его улыбкой и ласками. Он и так бедный, жизнью прижатый к кулисам до переломанного носа и хронических соплей. Вы должны вспоминать наших старых администраторов и учиться у них.

– Да я готов учиться, только где они? – проямлил Володя и повесил на лицо выражение начитанного умника.

– Да! Жаль, что вам их уже не увидеть. Ребята! Вы хоть помните, какие были раньше администраторы! – неожиданно сама для себя разгорячилась Алла. – Помните? Слава, а ты?

– Ну а как же ж! Артист для администратора был с большой буквы Артист! Он его любил и уважал! Я, например, еще застал Эдика Смольного! Вот это был администратор!

– Да! Эдик это да! А какие примочки он устраивал? А! Хотите, расскажу?

– Давай, трави! – с заднего сидения выкрикнул Петя ба-
рабанщик.

– Во! Пожалуйста! Трави! Сейчас даже разговаривать разучились! Забыли закулисный жаргон. Берлять, друшлять, сурлять... Ладно. Травлю. Хотите, я вам расскажу про знаменитые стадионы Эдуарда Смольного и что это такое! Рассказать?

– Рассказать, рассказать!

– Хорошо! На примере одного большого сборняка. Началось это все так. Брался среднестатистический город, например Самара, или Саратов, или Волгоград или тому подобное. В него приезжал господин Смольный и направлял свои стопы в Исполком данного города.

– А почему в Исполком? – спросил кто-то.

– А потому! Если убедить Власть и переманить на свою сторону, никакие запреты и «органы» не страшны! На что только не сподвигал Эдик Смольный местного высокого чи-

новника! Мог доказать, что белое – это черное, а черное – это белое, или что Первый Секретарь города Саратова есть Принц Монако, только монакцы об этом еще не знают, а сам секретарь не залезал в архивы и плохо помнил свое «генекологическое» древо!

– А для чего? – подыграли из чрева автобуса с юморной интонацией.

– А ему нужно было получить разрешение на «чес», – подхватила Алла интонацию. – Это совершенно гениальное изобретение советской эстрадной школы и многие флагманы этого движения сейчас незаслуженно забыты, так же, как и Эдуард Смольный!

– Эдик Смольный!!! Это звучало так гордо! Это был Адмирал Советской эстрады! – вставил Славик. – Как он воровал! Как воровал!!! И как гениально! И что характерно, воровал не только для себя! Его пытались посадить, как господин Фунта (уж не молод был детина), при Сталине, при Берия, при, кто там еще после них был? Я уже всех и не помню. То есть при всех, ну и конечно при Брежневе. Просто в те времена это называлось воровством, а так работал весь мир.

– Тогда бедному нашему артисту, отпахавшему трех-четырёх часовой концерт и принесшему в казну не один миллион рублей с него, платили голую ставку. Ставка составляла семнадцать рублей и сорок копеек у Народного артиста, а у простого саксофониста, или там у гитариста – три рубля восемьдесят копеек, – дополнила Алла.

– А Эдик так не думал. Он думал, что Артист это звучит ГОРДО и вознаграждаться должно не СТЫДНО!!! Наша Алла тоже может ого-го, но она могла бы быть его ученицей ну, скажем, второго класса. А теперь представьте, на какие подвиги мог воодушевить больших партийных начальников наш уважаемый Адмирал Советской Эстрады, опираясь на наши знания про Аллюнчика? А? Представляете? Отвечаю! На любые! – не унимался Слава.

– Ты меня хвалишь или обзываешь, я что-то не поняла?

– Конечно, хвалю! Ты у нас главный таран эстрады! А для нас вообще незаменимый человек!

– Тогда не перебивай! Так вот. Сватовство, считайте, состоялось. Теперь город должен был чуть-чуть повариться в своем соку... усваивая рекламные афиши. А затем начиналось самое главное. За десять дней до начала фестиваля с какой-нибудь потрясающей афишей, связанной или с названием города, или с историей, или с годовщиной от... или с близлежащей датой, или что либо экзотическое вроде поддержания поработощенных негров в Уганде или Чаде, приезжал наш Адмирал. И за десять дней поднимались дивизии, танки, вертолеты, конная милиция, или что там было в городе конное? Пионеры и школьники, ветераны, местные фольклорные коллективы, или не фольклорные, или духовые, и вообще, все что было в этом городе... Участвовали («заряжались») все площадки, включая самые небольшие. Смысл в чем (а суть в чем?) – а в том, чтобы каждый жи-

тель города посмотрел фестиваль, то есть попроще – деньги в кассу принес!

И вот начиналось само действо! Начиналось прямо с утра. Все площадки города, большие и маленькие, все жители его просыпались под музыку. Она гремела бравурными маршами, фольклорными русскими перепевками и частушками приличного содержания. Духовые оркестры, фольклорные коллективы, детские хоры, местная художественная самодеятельность озвучивала улицы очумевшего от нахлынувшего счастья и музыки, тихого провинциального городка эпохи Развитого Социализма. И радость, для которой нет предела, утихомириваясь на улицах, переливалась в помещения, с началом грандиозного концерта, я бы даже сказала Концертища! Он начинался одновременно на всех этих «заряженных» сценах. Не успел, например, Николай Караченцов отпеть в ДК «им. Ленина» (а ДК «им. Ленина» был в каждом уважающем себя захолустье, даже если это колхозный сарай), на одном конце города, как тут же мчался на поджидавшей его у входа в ДК «Волге» на другой конец города в ДК «им. Калинина». Оттуда на стадион, навстречу ему мчался наш вечный Д'Артаньян, Михаил Боярский, или певица Толкунова. А затем на открытый стадион. А затем на закрытый стадион. А затем на какой либо завод, где цех побольше и народу набегит соответственно.

– И так все участники и по кругу, и по кругу... а Эдик дирижирует, – не унимался Славка. – Но это еще не все! На от-

крытом стадионе, как на самой большой площадке, которая еще и, как правило, надстраивалась и увеличивалась в посадочно-стоячих местах, начиналось... Летали вертолеты и самолеты, оттуда сыпался, прямо на очумевшие и оглохшие с раннего утра, головы зрителей, десант. По стадиону проходили полки, часто переодетые под сорок первый год. Шли танки, потому что без освящения нашей Великой Отечественной и Священной никакой партийный шишка не рискнул бы своей шкурой и карьерой, читай – партбилетом... Следом за всем за этим на стадион вылетали тройки. Шли заслуженные хлеборобы и механизаторы, пионеры и школьники. Заслуженные пенсионеры и ветераны. И так далее и так далее... Во все это были вкраплены бриллиантами Звезды Советской Эстрады, и Цирка! Вы же знаете, что Советский цирк циркее всех цирков! Первой, второй, третьей. Были и пятой, десятой величины и НЕ звезданутые. Всякого народу было, ну очень много! – воодушевленно рассказывал Слава, блестя глазами.

– А по центру футбольного поля, как правило, строилась концертная площадка, на которой стояло пару-тройку сводных хоров, – подхватывала эстафету Алла. – Перед ними, или вокруг, в зависимости от сценария, танцевало танцевального народу, который двигался по кругу, во всяко-разно-национальных и современных костюмах. А во главе всей этой цветовой какофонии гремел голос Эдуарда Смольного:

– А сейчас на зеленое поле стадиона выезжают на лихих скакунах наши знаменитые «Неуловимые мстители»! Встре-

чайте их бурей аплодисментов!!! Уррра-а-а!!!

И толпа орала на весь стадион задыхаясь от счастья!

– Ну а если выходили или выезжали на таком же лихом скакуне или каком-нибудь забугорном открытом «Кадиллаке», в то время полузапретные Алла Пугачева или Валерий Леонтьев, тут уж и говорить не о чем...

– Ал! А помнишь самую знаменитую хохму, которая была у Эдика с одним самым знаменитым артистом?

– Ты про Него? – и Алла подняла палец вверх.

– А про кого? Конечно про Него! – и Славка тоже поднял глаза к небу. Называть не будем. Именно в одну такую компанию в городе Волгограде это и произошло. Эдик, как всегда, кричал в микрофон и на весь стадион:

– Дорогие товарищи!!! Приветствуем нашего горячо любимого... без имени... УРРРА-А-А!!!

– Ну, стадион, конечно, бурно приветствует, опять же задыхаясь от счастья! – Алла опять взяла инициативу в свои руки и очень эмоционально стала рассказывать дальше. – Тут на дорожку стадиона вылетает тройка лошадей, впряженная в старинную бричку. А в бричке стоит ОН с микрофоном в руке. Он начинает петь, и вдруг на дорожку выскакивает Эдик Смольный. Бричка как раз мимо проезжала. Эдик выхватывает из толпы зрителей девочку с самым громадным бантом, какой только был на всем этом стадионе и с таким же громадным букетом и сует ее ЕМУ в руки. Тот, бедный, от неожиданности чуть микрофон не проглотил. А

девочка, то ли бантом, то ли букетом сбивает несчастному накладку на голове и она съезжает на один глаз. ОН не может ее поправить, в одной руке у него микрофон, в другой ребенок с громадным букетом и таким же бантом. Накладка норовит съехать на нос, а ОН пытается задвинуть ее микрофоном обратно на темечко... Какое уж тут пение? Хотя наша знаменитость с такой луженой глоткой, про которую Валентин Гафт правильно сказал:

– Как нельзя остановить бегущего бизона, так нельзя остановить поющего... ЕГО... – и тот чуть с нот не сбился...

А зритель, он как рот еще с утра распялил, так и сидел музыкой оболваненный и оглушенный. Он ничего и не понял, и не удивился, за этими бантами и букетами. Но что творилось за кулисами!!! За кулисами артисты повально катались по земле от хохота...

– ОН не разговаривал с Эдиком несколько месяцев... – закончил рассказ Славка, вылупив для наглядности глаза из орбит, и покатился со смеху.

Автобус тоже укатывался до самой гостиницы.

– Вот о чем болтают артисты, находясь в движении между пунктом А и пунктом Б, а не о флирте. Кошмар!!! А по нормальной, зрительской теории должно же быть наоборот! – подытожила Алла, выходя из автобуса около гостиницы прямо в лицо Володе.

А о чем в это время думают новые администраторы, интересно бы узнать...

Остров зеленый

Аллино дорожное внушение имело свои последствия. После первого концерта Володя подошел к ней за кулисами и, скромно потупив глаза, пригласил всех на шашлык, на берег Дона прямо после концерта.

– Я уже все заказал. Нас там ждут.

– Как ждут? Скоро же уже ночь надвинется.

– На юге ночь надвигается поздно. А потом. Именно ночью и есть самый кайф! Поехали.

– Ну, раз так, спрошу у ребят, – выдала Алла, хотя прекрасно знала свою актерскую братию. На халяву поедут все и даже девчонок постараются прихватить. Ночь, полночь, утро, не имело значения.

Она оказалась права. Набился полный автобус, включая девчонок. Алла всегда садилась в автобус последняя, потому что самые «блатные места» в автобусе были впереди, на соседнем с водителем месте, справа по ходу движения. Старая артистическая примета гласила: если в артистическом автобусе кто-то ехал на этих местах, значит, он был в коллективе самый главный. Алла была не самая главная, она это знала, но и за блатное место сражалась долго, пока не отвоевала.

Она вошла, внимательно окинула автобус взглядом, зацепила количество девиц, кто с кем уселся, и кивнула водителю головой. Можно было ехать. Веселить эту публику она не

собиралась, поэтому уселась на свое место, молча уставилась в окно на проплывающий мимо город, мелькающий в глаза осколками сверкающего, заходящего солнца из оконных стекол, и стала слушать затылком все, что происходило сзади...

– А хотите, я вам расскажу про место, куда мы едем? Место удивительное и даже где-то мистическое, – приступил Володя к процедуре веселения.

– С привидениями? – спросил кто-то из музыкантов.

– И с привидениями. И с другими, прямо чисто мистическими примочками...

– Я обожаю привидения! – это подал голос Славик. – А привидения у вас мужики только есть или есть и местные красавицы?

– У нас там всяких хватает. Так рассказывать?

– Давай! Давай! – подали голос с конца автобуса.

– Так вот, – загадочно начал Володя, – место, куда мы едем, называется остров Зеленый. Хотя и мало похож на остров, потому что к нему идет наплывной мост. Это главная ростовская зона отдыха. Между прочим, самое тихое место в Ростове-на-Дону. В-Ростове-Папе. – Володя сделал голосом ударение на слове «папа», как бы выделил его с большой буквы. – Там у нас никто и никогда не дерется.

– Привидений боятся?

– Может, и привидений. Кто его знает? Но, во всяком случае, это место, где все друг друга любят.

– Мы для этого и взяли с собой девчонок. Да-а-а-а! Для

любви, – это уже был голос Гоши, бас-гитариста.

– Ну так вот. Зеленый пытались заселить три раза еще с довоенного времени, но каждый раз прямо какая-то мистическая сила все останавливала. Сначала решили построить железнодорожный тоннель. А когда проект был готов, вдруг из Москвы скомандовали – отбой. Второй раз Сталин объявил на юге нашей страны стройку века – оздоровительные комплексы на берегу и опять что-то где-то только по нашему острову не срослось – изменили прямо на стадии готового проекта. А должно было быть несколько санаториев и пионерских лагерей. Третий раз весь Зеленый засадили тополями, озеленяли равнинный юг России. От тех тополей остались только палки-елки. Не прижились, хотя в Ростове тополя растут лучше, чем где. Даже во время войны он вел себя странно. Его охраняла одна рота, от которой осталось три человека, а немцев было тьма тьмушкая, но не смогли взять.

– Так вот тогда привидения и сработали. Тоже Родину защищали. По-своему.

– Я не знаю, что там сработало, но, одна-а-а-ко...

– И это все? Ты про привидения расскажи!

– Дело тут не в привидениях. Дело в другом. В какой-то отдельной мистике!!! Еще до войны, когда мой папа был пацаном, на острове что-то удивительное происходило. Где-то в тридцатые годы как-то рыбаки на баркасах пристали к острову, чтобы переночевать, а на зорьке перегородить Дон сетями. Ночью начался дождь, рыбаки и отправились под ку-

сточки, в глубь острова, а баркасы отчалили домой. И вдруг что-то как ухнет, и дерево около них рухнуло, как подкошенное, а из-под дерева облако всплыло, светящееся! И поплыло медленно, медленно... Они от страха чуть не того! А потом еще несколько деревьев так же рухнуло, со спецэффектами и по рыбацким плащам дождичек вдарил. Только похож он был не на дождь, а на град и, что характерно, не таял! Во-о-о-о!

– А они там перед этим не напились, случаем?

– Какое напились! Они до самого утра зубами стучали от страха. А когда за ними вернулись все пять баркасов и причалили к этому берегу, то двое были без сознания, а остальных мутило, шатало, они задыхались и жаловались на боли в груди! А один просто поседел! Во так вот!

– И что же это было?

– А кто его знает. Только потом на острове НКВД маячило, и въезд на остров перекрыли. Но наши-то пацаны были любопытные и на остров пробрались-таки. Так вот. Они нашли там ямищу метров двадцать на двадцать и мелкую крупу по всей земле, похожую на металлическую. А когда затушили костер, около которого грелись, то эти крупинки спаялись в сплав, похожий на свинец. Тяжеленный такой кусище. Мой папаня сделал из него грузило для удочек, но когда забросил в речку, грузило всплыло! Они тогда тоже так сильно испугались, что даже никому из взрослых не рассказали.

– Так что же все-таки там случилось, объясни толком?

– Говорят что там в тридцатые годы летающая тарелка упала.

– Да-а-а! Так у вас там не привидения! У вас там инопланетяне ночами шалят!!!

– Как я люблю инопланетян! У меня еще ни одной инопланетной бабы не было! – с хохотом выговорил Слава. – И что? Есть шанс сегодня поймать?

– Вы зря так шутите. Я вам это все серьезно рассказывал. Не зря потом на острове сложилась какая-то своя атмосфера что ли. Никто и никогда там не дрался и даже не ругался. Что-то другое стало происходить. А некоторые там видели предсказания. Или прошлое, или будущее...

– Это как это? – спросил кто-то из ребят.

– Я сам-то не видел ничего такого, но тот, кто видел, как правило, только намеками рассказывали. Помалкивали, в основном. Но мой сосед как-то что-то видел. Из запойного проходимца после одной-единственной ночи вдруг стал таким праведником и насквозь положительным, что жена года два к новому мужу привыкала. А вы смеяться!

– Да ты не обижайся. Мы тоже все на полном серьезе понимаем. Но от предсказания или от бабы с планеты ИКС не откажемся. Да? Ребята?

– Конечно! – загалдели все хором.

Алла прослушала все краем уха, но история ей понравилась. Действительно. А вдруг из кустов выйдет какой-нибудь мен с хвостом или со щупальцами? Алла представила вдруг,

как бы она повела себя в какой-нибудь суперситуации? Действительно. Если есть такой удивительный остров и на нем всякое разное происходит, может, и с ней что-то может произойти? Вот было бы прикольно!..

Шум на поляне стоял приличный! Не успели добраться до поляны, не успело солнце зависнуть над водой, чтобы красиво и правильно упасть за горизонт, а шустрые артисты уже успели поднять себе настроение. Шашлыки, да еще под раскрепощающие крепкие напитки, всегда имели тенденцию расслаблять народ. Алла не лезла со своими шуточками, считала ниже своего достоинства быть шутом для своих коллег артистов. Она была сегодня очень серьезной дамой. Изображала администратора при исполнении. От этого ей было даже немного скучновато и тянуло в мечты, поэтому она взяла полбутылки шампанского, шампур и передвинулась поближе к воде, на бревно, отполированное задами до блестящего состояния, провожать затухающий день. Природа всегда расслабляла и настойчиво звала ее к себе. Тем более на берегу большой русской реки, в таком экзотическом месте...

Сегодня все радовало и глаз, и душу... Лениво лоснилось падающее за кромку воды солнце на маленькой заводи, убегая лучиками на большую воду, через широкую реку. Неторопливо уплывал в золотистую даль меркнувшего дня, превращавшегося в вечер, голубоватый, прослоенный чистым воздухом дымок костра. Вода казалась какой-то ленивой и от этого глицериновой. Сонно плескалась рыба. Звезды рож-

дались прямо на глазах на темнеющем небе и начинали змечь по этой ленивой воде, пронзая кинжалами чернеющую лакированную гладь. На глади медленно раскачивался зажигающимися огнями город напротив. Он грустил вместе с ней, но только как-то светло и прозрачно. Было жаль, что луна зависала с противоположного берега острова и не могла дополнить ленивую красоту своей льющейся золотом дорожкой. Вода отражала только огоньки с противоположного берега и мелкими волнами тихо набегала на песок у самых ног. Было такое впечатление, что этот остров оторвался и отплыл от города, что он украден из «Тысячи и одной ночи», так разглаженно выглядела река Дон в своей середине и ближе к противоположному берегу. Казалось, что это даже и не река, а густая взвесь, коктейль, на котором качался город, тихо отплывая в глубины мироздания...

Было бы очень тихо, и может быть, мистически жутковато, если бы не гвалт, который производили сидящие за деревянным столом ребята на симпатичной полянке, имитирующей русскую избу и примочки при ней, включая телегу с горшками. Они разговаривали, стараясь перекричать друг друга и что-то доказывая, но быстрее всего спор происходил из-за трактовок какого-нибудь анекдота. Володя тоже лез в разговор и пытался перекричать всех со своей версией. Наконец-то и его услышали. Наверное, его версия и правда была еще смешнее, потому что конца его слов не было слышно за гомерическим хохотом, который заразительно отозвался

внутри нее и почти позвал за стол, но она остановила сама себя прямо за зад.

«Сиди! – приказ был жестким. – Куда кости потащишь? Это тебе даже не генерал. Там не на кого производить впечатление. Ты для них старая чувырла».

– Ну и что ты тут одна сидишь? – голос сзади был Славкин. – На кого-то обиделась?

– На кого мне обижаться? На тебя, что ли? Вроде бы не за что. Так?

– Та-а-ак. Я тебе не насолил до такой степени, чтобы дуться и сидеть отдельно, хотя солил каждый день, честно говоря, но по чуть-чуть.

– А кто кричал за кулисами, что у меня мозги куриные и я не способна задом шевелить?

– Это когда это я так кричал?

– А вот недавно, в Нижнем?

– Ну-у-у-у! Это я просто так кричал. Пытался чуть-чуть надавить. А ты бы не кричала, когда концерт на носу, аппаратура не работала и ремонтировать некому!

– Во-первых, на меня нельзя надавливать, потому что можно нарваться на ответные крикливые неприятности. Я такая! А во-вторых, я к вашей аппаратуре не имею никакого отношения! Я администратор. Я должна заделывать концерты, следить за билетами, гостиницей...

– И за рабочими. Правильно?

– Не совсем правильно. Рабочие в мою компетенцию не

входят.

— А куда же они входят? Куда? Кто должен следить, чтобы они не напивались в сосиску? Ты или я?

— Я не отдел кадров. Это не я их таких на работу нанимала.

— А я отдел кадров? Я му-зы-кант!

— Кант-музыкант. А я, вроде бы, как погоняло!? Это я должна отгонять рабочих от бутылки? Может, мне палку купить и ходить с палкой?

— Не палку, а скалку в самый раз бы подошло.

— Шути, шути. Но гонять их не я должна.

— Нет. Ты не должна. Но и попустительством заниматься не надо было.

— Это что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду Ярославль. Кто отпустил одного из грузчиков в магазин? Я или ты?

— Я отпустила за едой.

— А они притащили киру и ужрались.

— Хорошо! Во всем виновата я. Только я одна.

— Да нет. Не только ты. И я тоже еще тот фрукт. Заставляю тебя на пальчиках без пуант танцевать. Давай не будем ругаться из-за рабочих, а выпьем мировую. А?

— Хорошо. Давай. Я у вас в коллективе одна баба, могли бы и побереечь лишний раз.

— Но ты у нас такая! Такая! У-у-у-ух! Какая ты у нас! Мы за тобой, как за каменной стеной!

— И ты свои дурацкие слова берешь обратно?

– Беру! Я готов засунуть их в самое нехорошее место! Не то, что готов! Я уже засунул!

– Ладно. Пойдем лучше чокнемся и засунем в твой рот водочки.

– А тебе, как всегда, шампанского?

– А ты против?

– Да нет. Я готов наливать всегда, а тебе тем более!

– Надеешься спить к чертовой матери?

– Тебя споишь...

– А ты откедова про ета знаишшь?...

Предсказание

Часов до трех ночи коллектив дружно наливался спиртным и закусывал шашлыками. Может быть, оттого, что с утра у нее не было маковой росинки во рту, Алла, неожиданно сама для себя, на удивление быстро захмелела. Она включилась во всеобщее веселье на всю катушку, потому что сдерживающие факторы оставила на поваленном дереве, отполированном задами граждан до состояния отражения звезд, видных аж от телеги с горшками.

Она травила самые последние анекдоты, пародировала всех подряд, от артистов до президентов и прочих первых секретарей. Она опять кривлялась лицом, плохо контролируя ситуацию и оправдывая сама для себя все, что происходило на поляне «слиянием коллектива в экстазе» лично с ней. В конце концов, уже давно нужно было сливаться, а не шарахаться друг от друга, как черт от ладана, тем более, что проработала она в этом коллективе больше полугода. Слияние получалось не совсем такое, как она бы хотела. Для настоящего взаимопонимания нужен был длинный, ночной запой часов до шести или семи утра, когда за окнами уже светает, а простой люд идет плотными рядами прямо к станку, и без участия отвлекающего фактора в виде разномастного набора местных девиц. Девицы отвлекали ребят от душещипательной беседы и таскали по темным кустам с длительным

отсутствием...

– Слушай! Алень! Пойдем, погуляем. Может, и правда, какого-нибудь запланетного гостя из кустов выудим? – предложил в какой-то момент Славка.

– А почему бы и нет! Пойдем. Тем более, что остров такой удивительный, на сентиментальные мысли тянет... – согласилась Алла, и они пошли вдоль берега, прямо по песчаной кромке воды, почти на границе воды и песка.

Ей нравилось идти босиком по этой тоненькой кромке, на самых гребешках блесков от огоньков на той стороне бухты, наступая кожицей пальчиков на песок и ожидая получить прямо в пальчики укольчики от соприкосновения с блестящими. Но вместо этого вода нежно гладила ее кожу ласковым прикосновением. Ей было очень приятно, но она все ждала и ждала колючек. Может, ее организм требовал немножко жесткого и мужского обращения со своей персоной? Может, ей подспудно хотелось грубой и напористой ласки? Но Слава молча шел рядом по тому же песку и так же наступал на колючки блестящих ежей с того берега. Вот так, молча, они шли минут десять.

«Пора бы уже и приставать! Где всеобщая любовь индивидов? – мелькнула в голове у Аллы смешная мысль. – Или он подумал, что мы и правда пошли гулять?».

– Ну и долго мы так будем ползти по песку? – как будто услышав ее мысли, остановился Слава и вдруг взял ее за обе руки сразу, чуть выше локтя, резко развернул к себе лицом

и резко поцеловал в губы.

– Ты что так вдруг? – Алла не ожидала такого натиска, отстранилась очень быстро, почти задохнувшись от поцелуя, и расхохоталась. – А я только что про это подумала.

– Про что ЭТО?

– Про то, что в этом месте меня пора бы поцеловать. Перешагнуть через себя и посмотреть на меня как на женщину, раздевающе и похотливо! А не вышагивать по песку, как аист в погоне за лягушками, глаза долу...

– Это я и почувствовал. – Слава опять притянул ее к себе, потому что так и не отпустил еще ее руки и так же резко, но уже длинным поцелуем впился в ее губы.

Алла высвободилась от его рук, не отрываясь от губ, и обняла за шею. Поцелуй получился длинным, но бестолковым, потому что не задел внутри ни одной струнки. Он был не чувственным и нежным, а жестким и холодным. Он был мужским, но не таким, о котором ей подумалось только что. Поцелуй должен был быть нежным, ну а любить ее тело можно было уже и пожестче. Она отодвинулась от Славки, а потом уже сама притянула его к себе и поцеловала именно так, как ей хотелось. Нежно и мягко, но в то же время напористо и страстно. Он тут же подхватил ее пример, и только тогда внутри что-то чуть отозвалось на эти попытки.

«Вот это уже лучше! – подумала Алла. – Зацепило. А то на сухую, какая любовь?».

Они, не сговариваясь, пошли от воды под куст ракиты, где

было темно и мягко на сухом песке. Разговаривать не хотелось. Зачем разговаривать, когда ее руки были заняты процессом поиска пуговиц на его рубашке и молнии в брюках, а он так же старательно копошился на спине в поисках крючков на бюстгальтере...

Вначале все происходило молча. Алла сдерживала себя, чтобы не привлечь внимания музыкантов и девочек, которые, точно так же как и они, расползлись по ближайшим кустам и могли запросто оказаться соседями по ложу. Но уже через несколько минут не смогла больше сдерживаться и заохала, как только могла тихо. Славка был напористым именно на столько, на сколько ей и хотелось, по-мужски жестким и мощным... Она отдавалась ему с удовольствием...

Потом они лежали рядом на песке, раскинув руки и ноги, и смотрели на звезды, а звезды смотрели на них и смеялись. Наверное, им было смешно, им должно было быть смешно от быстроты произошедшего. Еще совсем недавно Алла терпеть не могла Славку и брезговала его прикосновений, а вот сейчас она лежала довольная состоявшейся близостью и получала отличную расслабуху от этого кайфа слияния и проникновения двух тел!

– Отличный ритуал слияния инь и янь придумал этот противный змей еще в Эдеме! – сказала Алла тихо и задумчиво. – Так греет душу!

– Только душу? А изнутри я тебя не согрел?

– И изнутри согрел, да еще как согрел! Кайф!

– Еще хочешь?

– Чуть позже. Сейчас меня тянет философствовать, глядя на эти звезды.

– И о чем?

– О вечном! О мужчинах, о женщинах...

– И что ты думаешь о мужчинах?

– Тебе не понравится.

– Почему это? Ты что, феминистка?

– Нет. Не феминистка. Я даже наполовину еврейка, хотя иногда в этом сомневаюсь.

– Это почему это?

– Да потому, что хоть и отлынивала от лопаты и станка всю свою сознательную жизнь, но умной по жизни так и не оказалась. А к мужикам я вообще отношусь своеобразно.

– Расскажи.

– А ты меня потом не поколотишь?

– Если только изнутри, как только что колотил.

– Сейчас ты меня не колотил, сейчас ты меня пахал под зябь, глубоко и долго!

– Понравилось?

– А то!

– Так может, ну их, мужиков, будем допахивать наше поле?

– Нет! Я сейчас выскажусь, а потом будем и пахать, и даже сеять. Только сразу вопрос, чтобы не висел в воздухе, потому что я терпеть не могу резинки. Надеюсь, что без них будет

не опасно для моей жизни?

– Не волнуйся. Я тебя ничем не заражу. Что-то тебя развезло на сантименты? Давай, рассказывай свои умозаключения.

– Это меня звезды развезли на сопливые мысли и мечты о счастье. Люди вообще любят мечтать о каком-то эфемерном, придуманном счастье, которое гнездится где-то там, внутри души, а попроси рассказать своими словами, что это такое и получишь в ответ э-э-э-ки и ну-у-у-ки. А счастье хитрое. Оно себя подает маленькими дольками, чтобы мы его смогли прочувствовать. А нам-то хочется целым большим апельсином. Вызревшим и налитым! А может, это гениальная память помнит Золотой век человечества и где-то внутри держит эту память, как эталон. Это и есть та самая томно-ностальгическая память о счастье? Мысли о нашем прошлом, потому что о том, что мы все есть эксперимент пришельцев, это всем ясно и понятно уже давно. Дарвин пускай отдыхает. Его теория скучная, пресная и никому уже не нужная. Значительно интереснее найти в своем обличье гены залетевших из далеких галактик голубоглазых, атлетически сложенных блондинистых красавцев и обворожительных красавиц с идеальной фигурой девяносто-шестьдесят-девяносто. Нам даже рассказали и по ящику, и в газетах, что они залетели из созвездия Вега и создали на Земле настоящий рай. Золотой век человечества приходился от седьмого до девятого тысячелетия до нашей эры. Хорошо, наверное, тогда жилось.

– Да уж конечно получше. Ну и что дальше?

– Наслушаешься ты этого всего, и когда начинаешь рассматривать себя в зеркало, обрадовано видишь, что руки у тебя породистые, пальцы длинные, кисти аристократические. Что глаза зеленые, кожа белая. Что у мужчины, который тебе нравится, на спине нету непроходимой дубравы, пучки волос не торчат в разные стороны на плечах, как дубы на поляне, а спереди грудь не заросла волосами выше подбородка.

– У меня руки волосатые только до локтя и на спине чисто. А глаза, между прочим, голубые. Это у аборигенистых чернотух все тело в волосях. У лиц южных национальностей.

– Поэтому ты тут же начинаешь понимать, что некоторые теплолюбивые аборигены, и сегодня возмущающие наше сознание своими звериными повадками и злобой, сползли с деревьев еще совсем недавно. Что они-то и есть смесь залетевших галактических пришельцев и местных обезьян. Что некоторые из них вообще не облагорожены забежавшими генами, а самые настоящие прямоходящие гомосапиенсы неандертальской породы, одна из ветвей человека древнего из первобытно общинного строя. Брата орангутанга. Именно ме-е-е-е-стного аборигена земли. И сразу все становится на свои места и ты успокаиваешься и внутренне, и внешне. Тебе понятны поступки первобытного человека, который может понимать только силу и принимает только кулак в глаз. Ну что с него возьмешь, с недоразвитого? С ним нужно толь-

ко силовым путем договариваться. Именно мочить, и в основном в сортире, или, как сказал Жириновский: построить один большой забор, как китайскую стену, и загородить их первобытный мир в первозданном хаосе вместе с развалинами, от нас, таких умных и необыкновенных. Все равно они плохо понимают, что такое красоты цивилизации. А их еще пускают в приличное общество и о чем-то пытаются договориться.

На самом деле все нужно совсем с другой стороны рассматривать. Ты обратил внимание, что вся чернотуха живет ближе к экватору. На юге. А почему? Спроси у меня, ну спроси!

– Ну спрашиваю. Почему?

– Да потому, что Земля заселялась с Северного полюса. Раньше там был экватор и тепло. Поэтому голубоглазые пришельцы и жили на полюсе, под пальмами, в окружении мамонтов и прочих теплолюбивых тварей. А на окраинах ореола их проживания обитали местные аборигены и были резервации для выращивания прислуги. То есть отбирались наиболее подходящие экземпляры и осеменялись. Может быть, даже искусственно. Не думаю, чтобы красавец с голубыми глазами и белокурыми локонами смог взлезть на первобытную, вонючую и лохматую самку неандертальца.

– Это где это ты такую теорию откопала?

– На своем чердаке. На моем чердаке навалом всякого хлама. Там и от пришельцев что-то отпочковалось, и от

древних предков. Поэтому-то и хочется спросить – а мы сами-то что из себя представляем? Тоже еще те... Что мужская особь, что женская. Давай рассмотрим. Прямо по формуле: самка есть носитель количества будущего поколения и борец за его качество, а самец есть носитель качества будущего поколения и борец за его количество. То есть, самец должен оплодотворить наибольшее количество самок, а самки должны качественно подготовить продолжателей рода к жизни. Вырастить новое поколение.

– Это точно про меня. Я на этом поприще сильно преуспел.

– Размножил свои гены? Может, и детей у тебя уже табун?

– Ну, не табун, но мно-о-го. – Славка мечтательно смотрел в небо. Алле показалось, что он пытается в памяти пересчитать всех своих приледышей.

– А ты хоть знаешь, сколько?

Славка чуть помолчал и выдал:

– Приблизительно.

– Вот тут-то и зарыта вся канитель. Мужская особь создана только для того, чтобы передать свои гены следующему поколению, а мы с него чего-то хотим. Что можно от него хотеть, если в него этого не положили? В него заложили только передачу ген! Он гены свои передал? Передал. Что ты еще к нему пристаешь? Ты, самка, теперь давай воспитывай. Твоя очередь наступает. А самцу около тебя больше делать нечего, он дальше побежал, размахивая нижним хоботом, свое

ведро спермы расходовать. А когда у ведра доньшко на солнышке засветилось, вот тогда он и понимает, что больше не нужен на Матушке Земле. Он свое черное дело уже сделал.

– Ой! Не скажи! Меня другому учили. Меня мама учила, что мужчины совсем для другого созданы.

– И для чего же, хочется спросить?

– Если совсем по-научному, то парное – мужчина-женщина должны создать совместную энергетическую ячейку, в которой обеим особям очень комфортно и в которой работает схема встречных энергопотоков.

– Это как это?

– А так. Мы с тобой, мужчина и женщина, сидим как бы напротив друг друга и наши энергии открыты друг другу. А если у тебя где-то пробой, муж рукой закрывает пробойну, а если у мужа в боку пробоина, сидящая напротив твоя половинка закрывает твою пробойну своей рукой. И так их руки скрещиваются, переплетаются, помогая друг другу, и получается единый энергетический кокон, спаянный этими переплетениями в толстенную веревку до состояния неразрывания! Вот так, приблизительно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.